

ДЖУЛИО МОВА

ΟΒΙΔΙΟΣ

ТАЙНА ЗОЛОТОГО
ВРЕМЕНИ

Джулия Мова

Οβίδιος. Тайна золотого времени

«Алисторус»

2021

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Мова Д.

Οβίδιος. Тайна золотого времени / Д. Мова — «Алисторус»,
2021

ISBN 978-5-00180-069-9

«Овидий» – так называется корабль, на котором читателю вместе с Дэвидом Мирром (главным героем книги) предстоит совершить не одно увлекательное путешествие, окунувшись в насыщенный событиями XVII век. Следуя завету Ибн Сины, Дэвид помогает людям и однажды спасает девушку, ставшую для него Сто одним несчастьем... Морские приключения и пиратство, служение науке и ответственность врача, возмездие и преданность, разум и чувство... Что выберет Дэвид, оказавшись во власти золотого времени? Об этом вы узнаете в книге Джулио Мова «Οβίδιος. Тайна золотого времени». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00180-069-9

© Мова Д., 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

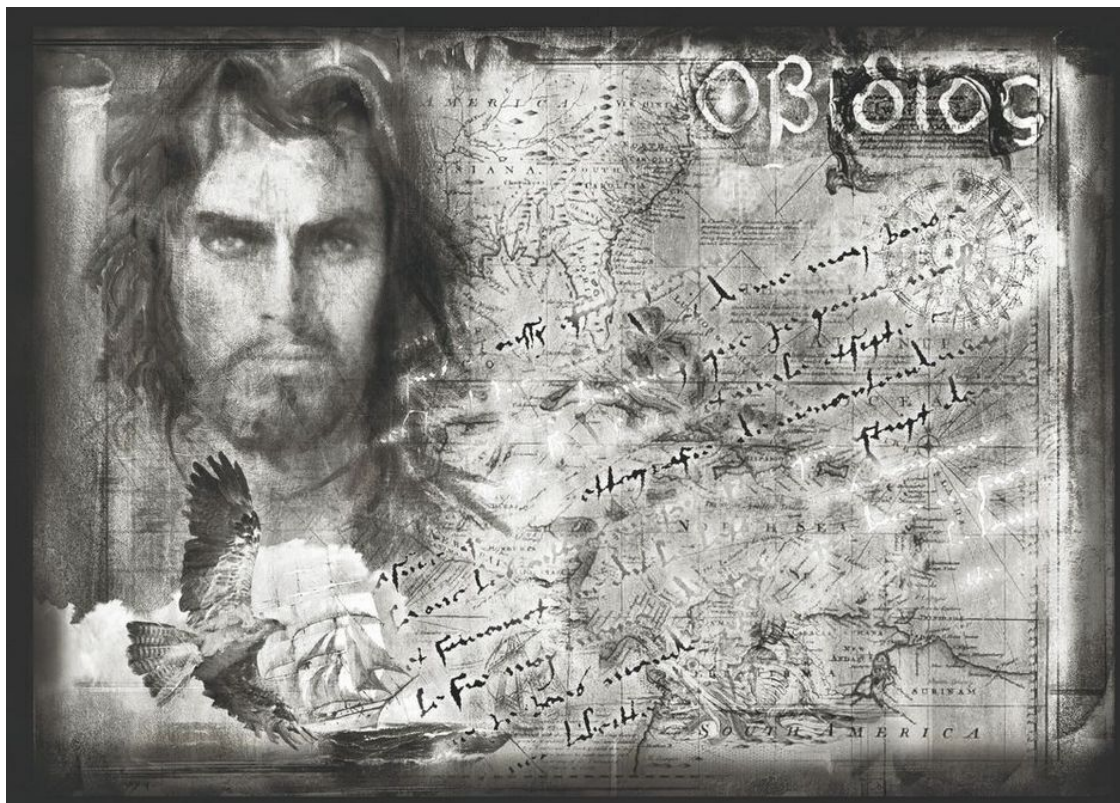
Ее Величество Беллетристика	6
Часть I. Путь в Англию	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джулио Мова

Οβίδιος. Тайна золотого времени

© Дж. Мова, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Ее Величество Беллетристика

Сергей Волков, писатель, сценарист

XXI век принес в литературу такое количество новшеств, причем как со знаком «плюс», так и «минус», что впору уже говорить о некоем перезапуске этого вида искусства, делении его на новые течения и направления, мало связанные друг с другом. Да, увы, на стене дворца под названием «Литература» огнем горят роковые слова: «Мене, мене, текел, упарсин».

И еще печальнее, что в погоне за ускользающей популярностью подавляющее большинство авторов забывает, что под Луной ничто не только не вечно, но и не ново, и что старая добрая классика всегда в цене. А что такое классика в литературе, как не некогда невероятно популярное направление, называемое беллетристика?

Мы все как-то забыли, что слово это – «беллетристика» – происходит от французского выражения «belles lettres», что переводится как «изящная словесность». Вот именно так я бы и охарактеризовал новый роман Джулио Мовы «Ὀβίδιος. Тайна золотого времени». Это литература изящной словесности, безо всяких кавычек. То, чего так не хватает ценителям и знатокам книг в наше непростое время.

Не буду раскрывать сюжет романа, «спойлерить», как это сейчас называется, я хочу поговорить о другом. Книги с исторической составляющей, несмотря на засилье «попаданческой» литературы, в последнее время стали большой редкостью. Я сейчас веду речь об отражении в тексте настоящей, подлинной истории, а не выдуманных, альтернативных миров.

Если вспомнить «классические» исторические романы, ставшие золотым фондом беллетристики, то мы, читая «Одиссею капитана Блада» Сабатини или трилогию Яна о Чингисхане, Батые и монгольских завоеваниях, не просто развлекались, следя за приключениями героев, но и получали реальные исторические знания, знакомились с персонажами, оказавшими влияние на ход мировой истории, становились свидетелями важнейших событий.

Роман «Ὀβίδιος. Тайна золотого времени» продолжает традицию вот такой, настоящей исторической литературы, литературы, в которой живая история переплетается с авторским вымыслом.

При этом не стоит забывать, что во все времена остро стоял вопрос: а насколько писатель волен в своих фантазиях? Где грань, за которой исторические приключения превращаются в откровенное фэнтези, а фэнтези – просто в фантазию?

Как писал Андрэ Моруа, автор знаменитой книги «Три Дюма», легендарный гуру историко-приключенческого романа Александр Дюма «мял юбки Клио, он считал, что с ней можно позволить любые вольности при условии, если сделаешь ей ребенка». Итог мы знаем – прототип знаменитого д'Артаньяна, Шарль Ожье де Бац де Кастельмор, граф д'Артаньян никогда не путешествовал в Лондон за подвесками для королевы Анны Австрийской, не сражался с гвардейцами кардинала Ришелье, не пытался спасти Карла I, зато был личным курьером и доверенным лицом кардинала Мазарини и служил лейтенантом, капитаном, а затем и маршалом королевской гвардии при Людовике Четырнадцатом.

Но разве, зная все это, мы меньше любим истории про яростного гасконца и трех его отважных друзей? Конечно же нет! Еще один мастер исторических приключений, Роберт Льюис Стивенсон, как-то сказал: «Драма – это поэзия поведения, роман приключений – поэзия обстоятельств». Вот именно такой поэзией обстоятельств и является роман Джулио Мовы, в котором история, приключения, любовь и политика сплетены в тугую клубок.

При этом соблюсти все законы жанра, выдержать баланс, не скатившись в грошовую мелодраму или заунывную публицистику, под силу немногим авторам, но Джулио Мове это, по счастью, удалось.

При этом роман изобилует всевозможными намеками, «пасхалками», подсказками для внимательного читателя, которые раскроют ему гораздо больше, чем написано на первый взгляд. Например, далеко не случайно капитана фрегата «Οβίδιος», что по-гречески значит «Спаситель», зовут Сальватор, что с испанского переводится тоже как «Спаситель». А вот кого или что они спасают – это вы узнаете из романа.

...Сесть в уютном кресле у камина, включить бра или зажечь свечи, налить чашку горячего шоколада, и закутавшись в плед, погрузиться в загадочный и увлекательный мир, где звенит сталь, хлопают на ветру тугие паруса пиратского фрегата, теплые океанские волны набегают на золотой песок, а любовь и ненависть идут рука об руку со смертью – что может сравниться с этим удовольствием?

А закончить я бы хотел высказыванием французского писателя Эдмона Гонкура: «История – это роман, который был, роман – это история, которая могла бы быть». И читая «Οβίδιος. Тайна золотого времени», невольно ловишь себя на мысли – тебе вдруг становится безумно жалко, что событий и героев, описанных в новом романе Джулио Мовы, не было на самом деле...

А может все же были? Увлекательного вам чтения!

Часть I. Путь в Англию

Глава 1

Ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia.
Markus Tullius Cicero¹

Ранним утром, душным и жарким, утром, которое только бывает в Африке – стране желтых песков и эпидемий, к рыночной площади стекался народ. Это было то время, когда осталась позади франко-испанская война, закончившаяся установлением Пиренейского перемирия. Соперничество англиканской и католической церкви приняло вид скрытой полемики; был позади переворот, приведший к краху Оливера Кромвеля и его приспешников; и монархия вновь одержала победу над кратким вздохом республики. Все развитые государства двигались медленно, но верно к новому этапу своего цивилизованного существования – на пути техногенных открытий. Между Францией, Англией и Испанией установился краткий, непрочный мир.

Пройдет всего лишь два года, и вновь разразится война за право мирового господства над колониями. Карлу II, тщедушному испанцу, получившему прозвище «заколдованного» или «очарованного» (во многом благодаря пристальной опеке его обожаемой мамочки – Марии Анны Габсбург), противостояли серьезные соперники. Среди них Чарльз Стюарт – «Веселый монарх» (прозвище, на зависть его врагам, придавало королю больше обаяния и вместе с тем не мешало размышлять о насущных проблемах Англии) и Людовик XIV (очень лестно отозывавшийся о самом себе: «Я – солнце и все вращается вокруг нашей особы»). Англо-французская гегемония установилась над пустынями, горами, водами, природными ресурсами, людьми, животными – словом, над всем Новым и Ближним Светом. И взгляды королей Европы устремлялись еще дальше, на Восток: к Индии и за ее пределы – к Китаю и Японии.

По миру свирепствовала чума и лихорадка («золотая лихорадка», как ее еще называли), достигая невиданного размаха. Мир был поделен: Запад – Восток, бедность – богатство, господин – раб, живое – мертвое, человек – товар. В умы внедрялось представление о том, что все в мире имеет цену и нет ничего, что нельзя было бы продать или купить. Люди, одурманенные «золотой лихорадкой», забывали о вечности и о том, для чего Всемогущий Бог даровал им жизнь. Алчность и страх потерять состояние были выше живых человеческих чувств. Люди были развращены настолько, что с новой силой зазвучали апокалипсические мотивы... И Церковь Ватикана, христианская империя, этот некогда могучий и прозорливый Лаокоон, утратив зрение, была охвачена пожиравшими ее и ее детей змеями «века сего»...

Жажда наживы, деньги, предпринимательство и дух авантюризма формировали новый тип человека – амбициозного, равнодушного к судьбам не только отдельных людей, но и к судьбе всего человечества и того, что принято называть словом «Земля»... Но до краха империй было еще далеко...

Созданные «сильными мира сего» Вест-Индские компании контролировали острова и побережья, воды морей и океанов. Для королей Англии, Франции и Испании Африка не являлась исключением, открывая очередную страницу в истории их соперничества. Продвижение Запада на Восток было медленным, но верным, подобным тому, как когда-то в Троянской войне, когда успех зависел не только и не столько от финансовой состоятельности сторон,

---

¹ Да убоится история какой бы то ни было лжи, да не боится она какой бы то ни было правды. Марк Туллий Цицерон (*лат.*).

сколько от хитрости и коварства. И вот теперь Троянский конь в лице могущественной европейской триады гостил в Марокко... Но на все воля Аллаха...

Итак, ранним утром к рыночной площади в Сале стекался народ. В выходные дни здесь торговали не только фруктами и овощами, разными вещами, но и выставляли живой товар: птиц, коз, лошадей, людей. Было два рынка: верхний и нижний, открытый и закрытый. К нижнему, открытому рынку вела прямая дорога от города к залу правосудия и домам посольства. Верхний, закрытый рынок, о котором знали только «избранные», был отделен Высокой стеной, за которой простиралась владения марокканского султана. Войти и выйти за Высокую стену могли только с разрешения наместника бея – Мулай Рашида ибн Шерифа. Мало того, пройти к верхнему рынку было непростой задачей даже для знающего человека, ведь арабские улицы во все времена напоминали лабиринт. Но все-таки, с разрешения благосклонного читателя, мы последуем за одним молодым человеком высокого роста, выделявшегося в толпе не только покроем дорогой одежды, но и благородной внешностью. Светлые волосы, правильные черты лица европейского типа, немного с горбинкой нос, красиво очерченные брови. Но более всего поражали его глаза: живые, острые, глубокого синего цвета. В его глазах был тот задорный огонек, который часто встречается у людей сильной воли, выносливых, но далеко не всегда отличающихся крепким здоровьем. Сейчас же в тени узкой улицы его глаза казались фиолетовыми... Оглядываясь по сторонам и торопясь куда-то, он быстро скользнул во внутренний дворик белого, обожженного кирпичом и знойным солнцем арабского дома, совершенно не примечательного в силу схожести с другими подобными строениями... Открыв дверь, молодой человек спустился по лестнице вниз и оказался в полутемноте...

Там его ждали люди. «Аллах Акбар» раздалось со всех сторон. Это были мусульмане. Молодой человек ответил на возглас словами приветствия: «Воистину велик... Да пребудет с вами мир и милость Аллаха». «Аллах Акбар!» – более грозно прозвучало восклицание. Затем как некое заклинание: «Ля иляха илля-л-лаха ва Мухаммаду расулю-л-лахи». И так было произнесено трижды. Потом прозвучало торжественное: «Иншалла!». И вслед за тем наступила священная тишина.

На вошедшего устремилось по меньшей мере две сотни глаз.

– Ассалам алейкум, – произнес он.

И ему хором ответили:

– Ва алейкум-с-салам.

– Где пленники?

– Аллах запрещает нам помогать неверным, ты знаешь это, Дэвид. В конце концов, Господь покарает тебя за мягкое сердце.

На что молодой человек без колебания ответил:

– Я служу Аллаху и по воле Аллаха должен исполнять обет Ибн Сины.

Тогда мусульманин жестом указал следовать за ним...

Они долго шли, плутая в закоулках, в стенах лабиринта, выросшего под землей, пока, наконец, не очутились перед одной из дверей... В глаза резко ударил яркий свет.

В комнате, куда они вошли, ничего примечательного не было: мозаичные композиции, арабески, диван и стулья в восточном стиле, несколько напольных ваз и персидских ковров, пестрые подушки, украшенные бахромой и золотистыми кистями – в общем всё, как и подобает в довольно состоятельных арабских домах.

– Здесь никого нет! – удивленно воскликнул Дэвид.

– Да, на этот раз обошлось без пленников. Мужчины с корабля не спаслись. Сыны Мухаммеда знают, когда можно оставить человека в живых, а когда нет. Зачем продлять человеческие страдания?! Да, земной путь скоротечен, и кто предстанет пред Аллахом?! Лучше умереть в бою, нежели переносить позор рабства.

Мусульманин бы долго продолжал высокопарную речь, но неожиданно где-то рядом раздался приглушенный слабый стон. Мусульманин вздрогнул, что не ускользнуло от внимательных глаз европейца.

– Саид-бей, кто это? Кого ты скрываешь от меня?!

– Ладно, Дэвид. Недаром в свое время Абу аль-Мутталиб говорил: «Пусть Всевышний восхвалит в небесах того, кого Он создал на земле!». Твою доброту ни с чем не соизмеришь. А, впрочем, если не ты, кто ей поможет?! Разве Аллах?!

И мусульманин отдернул полог балдахина...

В тайной комнате, о существовании которой давно подозревал Дэвид, была спящая красавица. Но, в отличие от сказки Шарля Перро, красавица не спала мирным сном, а хрипела и стонала так, словно ее сжирали языки пламени. Роскошные черные волосы, подобно змеям, душили ее молодое тело, едва прикрытое шелковым покрывалом.

Мужчины молчали. Саид – потому, что был недоволен раскрытой тайной. Дэвид словно застыл, и по его реакции вообще было сложно понять, о чем он думает.

– Что с ней? – спросил он спустя какое-то время.

– Женщины наши осмотрели ее. Она пьяна.

– Пьяна?! Да она отравлена филонием²!.. Видимо, намеревались продать... Она одна уцелела?

Саид кивнул.

– Мне нужно... нужно... Срочно пошли раба к Исмаил-бею! Он знает, где мои лекарства. Думаю, я смогу ей помочь... Сначала надо сделать промывание желудка... И пусть мне никто не мешает!

Саид снова кивнул и неохотно удалился...

---

² *Филоциум* – препарат, содержащий опиум. По предположению Плиния Старшего, высказанному в его «Естественной истории», автором прописи этого препарата был Филон из Тарзуса, живший в начале 1 века н. э. Это средство рекомендовалось при кишечной колике, дизентерии, эпидемия которой была в Риме во времена Филона. В английской фармакопее филоциум оставался вплоть до 1867 г. Его пропись включала в себя следующие компоненты: белый перец, имбирь, зерна тмина, очищенный опий (в количестве 1 грамм на 36 грамм массы препарата) и сироп из маковых зерен.

Глава 2

Лусия Тенорио Вернадес де Сааведра медленно, тяжело приходила в себя. Веки были свинцовыми. Голова шумела так, будто ее кинули в водоворот. Руки и ноги отказывались подчиняться, и во всем теле была такая слабость, о которой она не помнила с детства, с тех самых пор, как впервые перенесла лихорадку.

Наконец девушка с трудом открыла глаза. Ее обжог солнечный свет и на минуту показалось, что она снова умерла...

Ей опять снился кошмар. Она с отцом на корабле, смеется и думает о счастливом будущем. И тут неожиданно начинают выползать бесы, черные, вонючие, мерзкие, и их становится все больше и больше. Она слышит их зловонное дыхание, слышит взволнованный голос отца, голос капитана, бряцанье шпор; потом раздаются выстрелы. Старший помощник капитана кричит, что они тонут, что корабль захвачен пиратами, что сопротивляться бесполезно. Потом она слышит крики о помощи. И уже не чужое рыдание и глухие вопли, а собственные стоны отчаяния и боли. На мгновение она повисает в воздухе. Мерзкие грязные руки, сотни рук, тянутся к ней, хватают, царапают, причиняют страдание, будто пытаясь разорвать тело на мелкие куски. И все же она продолжает отбиваться. Потом ее хватают за волосы, и она снова, с неимоверным отчаянием, вырывается. Неожиданно в ее руках оказывается нож, она начинает размахивать им направо и налево, но вокруг – одна черная давящая пустота. А резко-кислые запахи, смешанные со смрадом потных, давно немых тел, навевают вечный сон...

Черный туман смыкается над ней, дыхание становится более ровным. Она послушна и беспомощна, погруженная в неведомое прежде блаженное состояние...

Сквозь сон Лусия слышала обрывки речи. Невнятное бормотание, сменявшееся суровым ворчанием и редким протяжным эхом. Говорили на арабском. И все же один голос почему-то казался знакомым...

Лусия с трудом открыла глаза. Во рту пересохло, желудок разрывало от резкой спазмической боли. «Или это был не сон?» По телу девушки побежала дрожь. Ее снова стало лихорадить.

Девушка обвела взглядом комнату. Все было чужое, совершенно чужое. И чем больше она пыталась отыскать что-то родное, тем сильнее ощущала безвозвратность того блаженного состояния, в котором пребывала все эти дни. Осознание пережитого ужаса, продолжение кошмара наяву очередным приступом боли отозвалось в висках и вызвало судорожный спазм желудка. «Где я?» – подумала она. «В чужой стране, в чужой комнате...», но мысли о себе были прерваны возгласом отчаяния, когда она вспомнила об отце. «Отец! – выдохнула она. – Где ты?»

Девушка вспомнила, как в последние дни, перед их злосчастным отъездом, она была беззаботна и веселилась в Алькасаде, и все знатные сеньоры и сеньорины ухаживали за ней, а женщины открыто завидовали и пытались злобно шутить. Но это несколько не смущало Лусию: тот ум и то обаяние, которым наградила Господь Франсиско Тенорио, передался его дочери, а редкая красота досталась от матери – Марии Поэльо Кордобы, – во всяком случае, так говорили все. Даже злые языки Алькасады не могли уязвить породу Поэльо Кордобы. Их род мог поспорить с лучшими аристократическими родами не только Севильи, но и всей Испании! Мужчины Алькасады, и молодые, и старые, хотели видеть Лусию своей женой, но Франсиско Тенорио не спешил выдавать дочь замуж, так во всяком случае он говорил. Он говорил, что Лусия успеет родить детей и стать почтенной матроной, ведь сейчас самое главное в жизни –

набраться ума. Девушка без ума, по его мнению, хуже вдовы без приданного. И добавлял, что в Гвадалквивире³ их довольно много.

На самом деле, Франсиско Тенорио уже давно все решил. Его дочь достанется только самому лучшему мужчине в мире, а лучшим, по мнению дон Франсиско, мог быть только сэр Роберт Льюис Готорн – англичанин, сын его самого близкого и чуть ли не единственного друга – сэра Эдварда Готорна. Лусия не подозревала, что отец так скоро хотел выдать ее замуж не только из благих побуждений. Состояние Кордобы таяло, как снег весной, а признаться кому-либо в финансовой несостоятельности у Франсиско Тенорио не было духа, тем более, единственной дочери... Все, что осталось от былого великолепия, – это почтенное имя Тенорио Вернадес де Сааведра. И вот, на 16-летие дочери в качестве подарка отец решил преподнести поездку в Алькасар. Разве мог допустить честолюбивый дон Франсиско, чтобы в Испании разнеслась молва о его несостоятельности?! Он купил для Лусии самое красивое платье и туфли, чтобы во дворце она блистала великолепием, как некогда ее мать, приближенная королевы. А после окончания празднеств в Алькасаре объявил Лусии о своем намерении совершить путешествие в Англию... Это по сути было бегство дон Франсиско даже не из страны, а от воспоминаний, безысходной тоски и почти слепого отчаяния... Он бы отдал Лусию замуж и за испанского гранда, но тогда бы все узнали, что у дочери дон Франсиско, наследницы Кордобы, нет приданного... А Англия далеко, да и Готорны никогда бы не посмели рассказать о кризисе Кордобы... Итак, Роберт Льюис Готорн оказался единственным достойным претендентом на руку Лусии.

Роберт Льюис Готорн окончил Кембриджский университет, колледж в Оксфорде и имел к тому моменту несколько дипломов о высшем образовании. Сам король – Чарльз Стюарт – частенько обращался к нему за советом. Придерживаясь умеренно-консервативных взглядов, Роберт Льюис обошел по карьерной лестнице своего отца – сэра Эдварда Готорна, графа Гертфордского, благополучно пережившего время протектората Оливера Кромвеля. Оставаясь в оппозиции официальной власти, Готорны сумели выжить в условиях республики и дожидаться реставрации монархии Стюартов. Теперь слово было за «малым».

Чарльз Стюарт был протестантом, и все его поданные, согласно королевскому указу, тоже должны были стать протестантами. Но Готорны испокон века были католиками и по-прежнему хранили верность Ватикану, и это обстоятельство толкало сэра Роберта Льюиса искать невесту не в англиканском кругу, а среди благочестивых католичек. Лусия Вернадес де Сааведра виделась сыну сэра Эдварда Готорна, графа Гертфордского, именно такой – набожной, тихой, невзрачной...

«Что же все-таки случилось? Где она? Неужели Господь оставил их? Или все то, что она когда-то имела, было сном?!» – в смятении думала Лусия, и дрожащими руками схватила распятие.

Это был крест из ливанского кедра, того самого дерева, о котором в Библии сказано, что оно Соломоново дерево. Из Соломонова дерева возрос храм в Иерусалиме и, согласно преданию, именно из этого дерева был вырезан Голгофский крест⁴. Может быть, это была легенда, созданная самими христианами. Но то, что лежавшее на ее груди распятие было древнее крестовых походов, Лусия точно знала и хранила его как родовую реликвию. Крест так дорого значил для Лусии еще и потому и, главное потому, что в нем была частичка материнского тепла, которого ей так не хватало! Девушка поцеловала распятие и тихо сказала: «Господи, пошли мне утешение!»

– Слава Аллаху, вы очнулись!

---

³ *Гвадалквивир* – от арабского Вади-эль-Кебир, что значит «большая река», река в Испании.

⁴ *Крест из Ливанского кедра* – согласно Церковному Преданию, крест Спасителя (Голгофский крест) состоял из трех пород дерева: кипариса, певга (сосна или ель) и ливанского кедра. В книге пророка Исаии сказано: «Слава Ливана придет к тебе, кипарис и певг и вместе кедр, чтобы украсить место святилища Моего, и Я прослаблю подножие ног Моих» [Ис. 60:13].

Лусия услышала голос на ломаном английском языке и повернула голову в ту сторону, откуда он раздавался. Женщина среднего роста, одетая в длинный халат с разрезами на бедрах и широкие шаровары из тонкого персидского шелка, принесла лекарство. На голове женщины красовался хотоз с белым муслиновым покрывалом.

– Где я?

– Вы в доме господина Саида-ибн-Зухраба, а я Фатима – его жена, – сказала женщина, расставляя гребни, зеркала, коробочки с ароматными мазями и маслами. Потом налила в пиалу какой-то розовой жидкости и протянула ее девушке. – Выпейте, и вам станет легче.

Лусия с трудом приподнялась и сделала несколько глотков. Во рту остался привкус горечи.

– Вам желательно выпить все. Это лекарство. Вам следует слушаться доктора.

Пока Лусия пила горькое лекарство, вспоминая вкус детской лихорадки, она искоса разглядывала Фатиму. Женщине было около сорока лет. Для того времени это была вполне старуха. Глаза ее сверкали изумрудами на смуглом, полном лице, и можно только себе представить, какой она была в молодости. Очарование сквозило во всем ее облике. А полнота и мягкость в движениях еще больше красила Фатиму.

– Откуда вы знаете английский? – спросила Лусия, чтобы хоть немного отвлечь себя от горестных мыслей.

– Мой господин долгое время общался с англичанами. А я часто сопровождала его в поездках. А вы – испанка?

– Вы правы, я – испанка.

После горькой настойки Лусия почувствовала, как силы снова стали возвращаться к ней.

– Я помогу вам привести себя в порядок, – сказала Фатима. – Для этого я здесь...

Лусия слышала страшные вещи о Востоке, слышала о жутких обычаях и традициях мусульман, поэтому приготовилась к худшему.

Она несколько раз спрашивала Фатиму, пленница ли она. На что Фатима наконец довольно холодно и резко ответила:

– Вернется господин, он все скажет сам.

Однако Саид не появлялся. Фатима ухаживала за Лусией, как умела, но иногда девушке казалось, что она нарочно делает ей больно. Фатима не позволяла выходить в сад и уж тем более покидать пределы дома, что больше всего беспокоило девушку, убеждало в том, что она пленница и что, вероятно, до конца дней ей придется провести в стенах этой комнаты... И Лусии вовсе не хотелось видеть господина дома сего...

Сквозь решетчатые высокие окна был слышен запах сандалового дерева, марокканских апельсинов, экзотических цветов. Но особенно ударял в ноздри терпко-сладкий аромат жасмина, от которого у Лусии кружилась голова.

Она слышала женские голоса, смех, но Фатима запрещала девушке общаться с кем бы то ни было. Возможно, женщина чего-то опасалась или что-то скрывала, но добиться от нее правды представлялось делом нелегким.

Лусия слышала о восточных женщинах, что они упрямы, хитры и изворотливы. Поэтому одного взгляда на Фатиму было достаточно, чтобы убедиться в истинности подобных суждений.

Раздражение Лусии нарастало. Фатима была немногословна, и разузнать у нее что-либо представлялось равносильным задаче корчевания столетнего дуба. Лусия постоянно думала об отце, о том, что будет с ней, с ним, что сэр Роберт вряд ли захочет невесту, побывавшую в гареме... И потом Фатима пригрозила ей, что если она попробует бежать из дома, то ее изувечат, точно так же, как тех женщин, которые никогда не снимают покрывал с лиц, и напуганная Лусия даже не помышляла о побеге...

* * *

Саид появился через несколько дней. Он принес Лусии одежду, вроде той, что носила Фатима: халат, узкий длинный жакет, широкие шаровары, тунику из тонкой ткани, белое покрывало с бахромой. Жакет был украшен жемчугом и мелкими драгоценными камнями.

Отметив посвежевший цвет лица девушки, Саид громко, не требующим возражения голосом сказал:

– Одевайся, я приду за тобой через час.

«Господи, дай мне силы!» – прошептала Лусия, но хозяин дома не дал девушке помыслить то, что ее ждет. Один вид Саида внушал Лусии такой ужас, что она без пререкания схватила брошенное платье. Лусия подумала, что так, должно быть, бросают собаке кость. Подавив уязвленную гордость, Лусия с интересом взялась изучать турецкое платье... Тонкий струящийся дамасский шелк, который мог бы поспорить разве что с лионским... Глубокий алый цвет... Вспомнив одеяние Фатимы, Лусия втиснулась в шаровары и тунику...

Саид наблюдал за Лусией все это время за дверью. Как мужчина он давно оценил красоту девушки. Маленькая головка с огромной копной смолых волос, длинная шея цвета слоновой кости, покатые плечи, полная девичья грудь, тонкий стан, опоясанный атласной лентой, стройные длинные ноги, нежные стопы ребенка и – воплощение античной богини готово. Подобная красота в легком шелковом одеянии могла довести до преступления или сумасшествия.

– Пожалуй, – пробормотал Саид, поглаживая седую бороду и усы, – придется принести еще покрывало.

Позвав жену, Саид расположился на маленьком турецком диванчике.

– Простите, Саид, я слышала, что вас так зовут... Можно мне обратиться к вам?

Саид молча кивнул, оправив бороду.

– Так вот... Вы должны знать, Саид, что я не простолюдинка. Мой отец – уважаемый всеми в Испании сеньор Франсиско Тенорио... И наш король будет весьма огорчен его отсутствием, а также...

– Женщина мало говорит, в том ее благо, – грубо прервал он девушку.

– Но...

– Разговор закончен.

Ресницы Лусии вздрогнули, и она обиженно закусила губу. Ей дали ясно понять, кто она здесь. Но она, правнучка командора Кордобы, не привыкла отступать без боя. Она готова сражаться за имя и честь рода до конца!

– Я хотела бы знать, что со мной будет. Я здесь пленница, правильно ли я понимаю?! И вы – тот господин, в доме которого мне суждено пожизненно быть?!

– Потом, все потом узнаешь. Если хочешь остаться красивой, молодой, здоровой, то должна меня слушаться. Женщина должна слушаться. Если ты не будешь слушаться, я убью тебя, и Аллах простит меня.

Лусию передернуло от подобного заявления. Но что еще она могла ожидать от мусульман?! С детства ей довелось слышать такое, что вспоминать страшно. Ее в любую минуту могли убить. Да та же Фатима! Поступки мусульман, которых в Испании было предостаточно, всегда казались Лусии алогичными. Тем более местные сплетники постоянно твердили об их озлобленности и фанатичности. А после того, как мавров стали теснить с испанских земель, разногласия между мусульманами и христианами еще больше обострились. В мире накалялись страсти... Было бы логично предположить, что Саид ненавидит ее уже за то только, что она – католичка!

Наконец вошла Фатима и тем спасла Лусию от испепеляющего взгляда Саида.

– Аллаху было угодно, чтобы ты жила, – сквозь зубы сказал Саид. – Молись, как умеешь. Если ты проявишь благоразумие, то через несколько дней будешь далеко отсюда. Я уже в тысячу тысяч раз проклял тот день, что связался с вами, неверными!.. Но время губит медленных. Пойдем.

И Лусия, кинув умоляющий прощальный взгляд на Фатиму (словно она была ее последней надеждой на спасение), безропотно последовала за Саидом...

* * *

Шли они довольно долго. Лусия была завернута в белое покрывало с головы до ног (Фатима сказала ей, что это для ее же безопасности) и напоминала себе упакованную конфету, лежащую на прилавке дона Густаво в Алькасаре.

По пути им встречались разные люди, с любопытством взиравшие на Лусию, как на заморскую диковинку. Прохожие иногда останавливались, раскланивались с Саидом, но тот явно не желал с кем-либо говорить.

Встречались им и женщины, несшие корзины с фруктами и овощами, огромные кувшины с водой. «Дикие нравы», – думала Лусия, представляя, что было бы с ней, если бы она каждый день несколько раз в день в такую жару носила бы подобные тяжести.

Они прошли уже столько узких улочек, переулков, домов, лестниц! Дорога вела все время куда-то вниз, и у Лусии кружилась голова от душного воздуха и палящего солнца; ко всему прочему, ее мучила жажда. Раз она сказала об этом Саиду, но тот посмотрел на нее так, что больше Лусия не смела ни о чем просить.

И вот едва слышимое дуновение ветерка коснулось лица Лусии, немного облегчив страдания. Вскоре воздух заметно посвежел, а на языке появился привкус соли.

Наконец они выбрались из лабиринта улиц, дома расступились, и взору девушки предстало бескрайнее море. Море сияло, играло бесчисленными искрами цвета нефрита, опала и сапфира... Лусия на минуту остановилась, чтобы перевести дыхание и полюбоваться морем. Но Саид грубо толкнул ее в направлении к пристани.

Несмотря на раннее утро, там было довольно оживленно. Люди работали и болтали, иногда в спешке бросая друг другу краткие, хлесткие речи, смысл которых казался совершенно неясным благопристойной девушке. Среди этих снующих, толкающихся, раздраженных людей были представители разных народностей и конфессий.

На пристани было много торговых судов и парусных лодок. Но Лусия как-то сразу обратила внимание на белый фрегат. Его, видимо, недавно спустили на воду. Корабль сверкал позолоченными портами, белыми зарифленными парусами на фок-, грот- и бизань-мачтах. На латыни Лусии удалось прочесть название корабля – «Ὀβίδιος»⁵.

– Ὀβίδιος... Овидий... Спаситель?! Что бы это значило?

Саид в очередной раз грубо прервал ее размышления и, как бы повинувшись слепому, неосознанному желанию девушки, стал подталкивать к трапу корабля.

– Мы уже пришли. Да простит меня Аллах в Судный день за то, что я помогаю неверным! Цепляясь за поручни, они прошли по шаткому мостику и очутились на борту «Ὀβίδιος».

Судно еще больше восхитило Лусию. Палуба блестела так, словно по ней не ходили вовсе, а летали. Однако стоило прислушаться к тому, как матросы, громко чиркали ногами и трещали на языке, совершенно для девушки незнакомом.

На какое-то время Лусия осталась одна. Но она и не помышляла о побеге. Интуиция подсказывала ей, что здесь она в большей безопасности, чем на берегу и, тем более, в доме

---

⁵ Спаситель (лат.).

Саида. На корабле, как успела заметить девушка, были христиане, что немного воодушевило ее.

От нечего делать Лусия прошла по палубе и, дойдя до кормы, остановилась. На лестнице, ведущей к капитанскому мостику, стояли двое. Они громко говорили по-арабски. Один голос Саида (она узнала его), другой – низкий, раздраженно-властный.

Саид явно нервничал, теребя свою и без того редкую бороду. Потом Лусия посмотрела выше. Владелец стального голоса был хорошо сложен, статен, как, впрочем, и подобает адмиралу (Лусия почему-то решила, что так должен выглядеть настоящий адмирал). А незнакомец, будто почувствовав ее взгляд, обернулся.

Заметив Лусию, он продолжил речь уже на испанском:

– Думаю, погода будет сопутствовать нам. Если на то воля Аллаха и мы окажемся в Кадисе, я найду способ сообщить об этом.

Саид кивнул и, слегка поклонившись, спустился по трапу вниз. Пройдя мимо Лусии и как бы нарочно задев ее, он бросил на прощание едкий, лукавый взгляд. Вскоре он скрылся, неся что-то, завернутое в бурнус.

Когда же девушка снова взглянула на четвертьдек, она встретила взглядом с тем, кто так мгновенно поразил ее. У владельца стального голоса были глубокие голубые глаза. Незнакомец вежливо поклонился ей, не проронив ни слова...

– Пойдемте, прекрасная сеньорита, – обратился рыжий верзила к Лусии и увел от сотни взиравших на нее матросов.

Лусия с удовольствием отметила, насколько изысканен вкус того, кому принадлежало судно: восточная шелкография, красное дерево, золотая гравировка, надписи на латыни...

– Теперь это ваше пристанище, – пробасил рыжий верзила, открывая дверь.

Девушка вошла в каюту. Уютная большая комната с высоким потолком напомнила ей башню родового замка – башню, где в детстве она проводила большую часть времени.

С детства Лусия не боялась высоты и с удовольствием убегала в башню. Там ее подстерегали опасности, оживали драконы, мальтийские рыцари, эльфы, колдуны и гномы, – словом, ее ждали приключения. Там были герои лучших произведений Педро Кальдерона, Луисы Гонгоры и, конечно же, Мигеля Сервантеса. Она могла часами просиживать в башне, глядя на мир из маленького цветного окна. Казалось, что там время застывает, и оживают призраки, говорят шорохи, старые забытые вещи. И только, когда часы начинали бить полдень, Лусия вздрагивала, словно просыпалась ото сна, ведь ее наверняка накажут за то, что она снова пропустила мессу.

Франсиско Тенорио баловал дочь, но всегда был строг, когда дело касалось религиозного воспитания. Он неоднократно повторял, что лучшее украшение девушки – ум и благочестие. А красота не может привести человека к вечности. Литература, по его мнению, была чепухой в сравнении с музыкой (разве можно не ценить произведений Антонио де Кабесона и Испанского Палестрины⁶!). Отчасти поэтому он так настойчиво заставлял дочь играть на клавесине и слушать органное исполнение. К сожалению, у Лусии не было (как у ее матери) способности к музыке. И все же дон Франсиско дал дочери лучшее домашнее образование...

Нет, Святая Дева Севильская и Господь не покинули ее! Если она до сих пор жива, если смогла выжить в столь неподходящих для жизни условиях, то это только по промыслу Отца Небесного. Девушка опустилась на колени и горячо возблагодарила Бога...

---

⁶ *Испанский Палестрина* – Томас Луис де Виктория (1548–1611) – испанский композитор и органист, крупнейший испанский музыкант эпохи Контрреформации; один из ведущих представителей Римской школы.

Глава 3

На следующий день Лусия проснулась, едва понимая, где она. Открыв глаза, девушка на мгновение ослепла от яркого света, струившегося сквозь раскрытое окно.

Догоравшие солнечные лучи ласкали безмятежную пустыню сине-зеленой воды, сливавшейся с бескрайним небесным простором. Не было ни песчаных берегов Марокко, ни пристани в Сале, ни арабов, ни кораблей и парусных лодок, пахнувших тиной и свежей выпотрошенной рыбой, – словом, ничто более не напоминало о стране бедствий и эпидемий. И впервые за последнее время Лусия смогла свободно вздохнуть: воздух Марокко, сухой, жаркий, был для нее слишком тяжел...

Соленый свежий воздух океана нес умиротворение, и девушка почувствовала себя как никогда хорошо.

Лусия уже несколько раз поймала себя на мысли, что думает о том незнакомце, с которым разговаривал Саид. «Странно, – отметила она про себя, – почему-то мне кажется, что я знала его прежде».

Лусия попыталась вспомнить, где она могла его видеть, но, с другой стороны, если бы она его раньше видела, то уж, наверное, никогда бы не забыла. Было во внешности незнакомца нечто такое неординарное... Его голос и глаза... Лусия не знала точно, какого они цвета, но взгляд его был довольно завораживающим... Взгляд... Лусия невольно покраснела.

Незнакомцу было на вид лет тридцать, не более. В понимании девушки он не был красив так, как представляли у них в Севилье. Он, по всей видимости, принадлежал к числу тех европейцев, которые унаследовали от отцов Севера вместе с белой кожей и светлыми волосами спокойный темперамент, выдержанность и строгость. Но взгляд... в нем было обаяние и нечто такое, что девушка не могла передать словами. «О чем я думаю?!» – девушке стало противно от мыслей, которые явно не соответствовали придуманному почтенным обществом образу благочестивой католички. «Еще чего не хватало!» – фыркнула Лусия и поспешно осенила себя крестным знаменем...

Она горячо молилась, когда неожиданно перед ней предстал мужчина. Лусия не слышала стука в дверь, а слуга, которому было поручено присматривать за девушкой, был крайне смущен, увидев ее на коленях перед распятием.

- Как тебя зовут? – строго спросила она.
- Диего, – ответил замешкавшийся слуга.
- По-моему, прежде чем войти, нужно стучаться. Или вас этому не учили?!
- Я думал, что вам что-то нужно, – просто и добродушно ответил тот.
- Невежа, я буду вынуждена сообщить о вашем поведении капитану!
- Воля ваша, – покорно сказал он и ушел.

Лусия передернула плечами и посмотрела на стол. Она даже не заметила, как у нее в каюте оказался поднос с графином воды и фруктами. Это принес Диего. Кроме фруктов, на столе дразняще-вкусно лежал берек с сыром и рисовые котлеты в виноградных листьях. Когда же она ела в последний раз? Неужели только в Сале, в доме Саида?! Желудок ответил недовольным урчанием на ее немой вопрос.

Отведав всего, Лусия тем не менее чувствовала, что ей чего-то не достает. Она хотела что-нибудь почитать, но будто нарочно в ее покоях не было книг.

Весь день девушка провела в ожидании чего-то необычного, таинственного. Это чувство напомнило ей о тех ощущениях, что согревали в башне родового замка. Но откуда могли взяться мальтийские рыцари, драконы, великаны и гномы, колдуны, эльфы и то, что Франсиско Тенорио называл чепухой и зверством?!

Монотонность бытия разочаровывала, и сельские красоты Севильи с годами перестали волновать воображение. Только в Алькасаре, королевском дворце, ее жизнь заиграла новыми красками. Некая фантазмагория происходила с ней там.

Но сейчас она ощущала нечто большее, гораздо больше того, что было в Алькасаре. Где она?! Это же не дворец, это же не аристократическая столица Испании! Конечно же, здесь не было сеньоров, придворных дам и идальго. Одни скучные матросы, закостенелые и очерствевшие от тяжелой работы. «Вот слуга не понял даже, что возмутило меня», – подумала Лусия и вздохнула.

И все-таки она чего-то ждала. Тревожно-радостно было на душе, будто она уже жила новой жизнью, что будущее ее радужно-желанно. И как подобное чувство могло сочетаться с тревогой за отца, с ее детскими страхами, с тем, из-за чего она не спала ни днем ни ночью?!

Девушка подошла к окну и заглянула за борт. Теперь сине-зеленая вода казалась почти фиолетовой. Солнечные лучи играли на ней последние аккорды. Где-то вдалеке дельфины издавали томительно-сладостные звуки. Они сопровождали корабль, играя в пене кильватерной струи. Потом Лусия залюбовалась стайкой рыбешек, выпрыгивавших из воды.

И внезапно ее стала бить дрожь... Было ощущение, что за ней наблюдают. И она поспешно отошла от окна. Снова стало тревожно на душе. «Что будет с ней? – думала она. – А отец? Неужели он погиб?!». Лусия была одной из тех натур, которые часто болели не потому, что были слабы физически, а потому, что так была устроена их психика. «Отец, где ты? – воскликнула она и судорожно сжала распятие. – Боже Всемогущий! Сделай так, чтобы он остался жив! Но если его нет, забери тогда и мою жизнь... Отче наш... Но да будет не моя, а твоя воля. Аминь».

Помолившись, она снова стала думать. Все-таки их кто-то предал, кто-то, кто знал, что они будут проходить мимо Кадиса. Ведь не могли же пираты напасть на них просто так?! Да, мавры ненавидели испанцев; да, у мусульман и христиан – давний спор относительно святынь, по праву принадлежавших Ватикану. Но причем тут она и ее отец?! Надеялись разбогатеть за их счет? Вряд ли. Отец предусмотрительно ничего ценного с собой не взял.

Лусия подошла к столику, чтобы налить немного воды. И тут только увидела на подносе письмо. Почему она прежде не обратила на него внимание? Письмо было написано на гербовой бумаге чернилами цвета сепии. «О, Боги, ваши чуткие движенья рисуют мир земной во всей красе, но нет прекраснее того, что женщиной зовется... Я жду Вас у себя. Дэвид Мирр», – прочла она. Мелкие витиеватые буквы, изящный поэтический слог...

«Что это? Стихи?! Кто такой Дэвид Мирр?» – подумала Лусия, и щеки ее заалели. Ее обожгло от мысли, что этот красивый почерк и эти стихи могут принадлежать ему... Это он... Да, это он. Первым ее порывом было бежать. Но куда? Вряд ли от самой себя можно куда-то скрыться... Девушка остановилась в нерешительности. Показываться ли ей на палубе или все-таки затаиться в ожидании? Вероятно, сидеть в каюте было бы благоразумнее. Однако желание, говорившее в ней с самого утра, желание вновь увидеть его оказалось сильнее, чем она думала, сильнее ее благоразумия и страха.

Лусия схватилась за дверную позолоченную ручку и... О, Боже!.. От неожиданности она выронила платок, столкнувшись лоб в лоб с «адмиралом», а, вернее, с тем, кого звали Дэвидом Мирром.

Дэвид молча поднял платок. С минуту они смотрели друг на друга... Лусия стояла, пораженная его взглядом... В его взгляде было столько нежности и доброты! Таких глубоких, чистых глаз Лусия не видела даже в Алькасаре. Теперь синева сумерек выдавала волнение капитана. Но, быть может, Лусии это только показалось?!

Дэвид стоял у дверей, как тогда, на четвердеке, все в том же черном камзоле, расшитом серебром, с серебряными пуговицами. Из-под камзола выглядывала шелковая белоснежная

рубашка с кружевами. Интересно, сколько он простоял у дверей, прежде чем решился войти? Неожиданно Лусия услышала:

– Разве вы не получали мое письмо?!

Это было сказано так, словно на нее вылили бочку холодной воды. Лусия даже открыла рот от удивления и замотала головой.

Тем временем Дэвид Мирр вошел в каюту и совершенно преобразился. В его вальяжной походке, свободных движениях, горделивой осанке – во всем его облике сквозила решительность. Дух конкистадора – прадеда Лусии – будто ожил в новом теле и в новое время.

Прекрасной девушке, тем более католичке, не пристало обманывать, – строго, назидательным тоном сказал он.

Затем налил вина и подал бокал Лусии.

– Будем знакомы, – сказал он и неожиданно приятно улыбнулся. – Мое имя..., – он немного помолчал, будто о чем-то раздумывая, – Мое имя – Дэвид Мирр, и я – капитан «Овидия» ... Кстати, смею заметить, на борту моего корабля нет невеж...

Отказавшись от вина и отпив немного воды, девушка быстро выпалила:

– Простите. Это все так неожиданно... Позвольте и мне представиться. Я – Лусия Вернадес де Сааведра... Мой отец – крупный землевладелец в Севилье, а мать, Мария Вернадес де Сааведра, – урожденная Кордобы.

– Я очень рад, что на борту моего корабля столь высокочтимая особа!

– Мой прадед, вы, вероятно, слышали о нем, Гонсало Кордоба...

– Что-то помнится ваш прадед не очень-то жаловал Неаполитанское королевство.

– Возможно, но у него было много достоинств, и он много сделал для того, чтобы расширить владения и укрепить мощь Кордобы. Его военные походы принесли славу испанской короне!

Наконец Лусия уловила насмешку в голосе капитана, и ее передернуло от возмущения:

– Вы не верите мне?!

– Отчего же?! Возможно, вы говорите правду...

– Неужели вы не верите мне?! Или вы предпочитаете, чтобы я говорила неправду?!

– Правду и только правду, сеньорита! Расскажите мне о том, как вы попали в Сале, в притон проститутки и воров?!

– Я... не знаю... Нас похитили... Я помню...

– Вот как?!

– Да, возможно это кажется неправдоподобным, но вы должны мне верить! Я уверена, как только станет известно в Севилье о том, что я была похищена, мои родные назначат огромное вознаграждение за меня. Они будут искать меня и моего отца до тех пор, пока не найдут. Поверьте, мой дядя найдет меня, найдет брата, где бы он ни был. Если в Кадисе мы не окажемся через три дня...

Дэвид Мирр громко рассмеялся.

– Бог ты мой, если вас будут искать!.. Знайте же, что все давно считают Лусию Вернадес де Сааведра мертвой. Последние сплетники уже судачат о том, что дон Франсиско Тенорио и его дочь, Лусия Тенорио Вернадес де Сааведра, погибли в результате кораблекрушения.

– Нас похитили салийские пираты! – воскликнула возмущенно Лусия.

– А вот о пиратах почему-то никто не говорит. Для Ватикана представляется очередная возможность обогатиться. Вы помните крестовые походы?! Их помнят все... Кто еще, как не Ватикан, тщательно спланировал поход на Константинополь?! А сейчас все повторяется... Довольно накаленная обстановка в мире, а вы говорите, что вас похитили пираты! Ерунда! Мусульмане расправляются с христианами, христиане – с мусульманами... Почему? Вам это нужно? Не нужно ни вам, ни нам... Просто кому-то очень нужно, чтобы все думали так... Для чего? Да для того, чтобы развязать очередную войну! И повод бы был для этого вполне благо-

пристойный. Ну скажем, похищение какого-нибудь верноподданного какого-нибудь европейского правителя, ну а если с дочерью, так это еще лучше!

– Почему вы так говорите? Вы же ничего не знаете!

– Это вы, моя красавица, ничего не знаете... В мире творятся странные и страшные вещи... Ну а если даже допустить, что вас похитили марокканские пираты... Какая была бы у них цель? Продать вас на невольничьем рынке?! Тогда где же ваш отец?.. Как жестоко! Цинично бросить вас на произвол судьбы тем, кто, как вы говорите, готов внести за вас большой выкуп... И, смею заверить, на рынке в Сале, Фесе или Алжире те же мальтийские рыцари с удовольствием пришли бы лицезреть красоты вашего тела. Вы должны молить Бога только за то, что оказались в Сале, а не в Алжире или Сафи! – и, окинув Лусию испепеляющим взглядом, капитан безжалостно добавил: – В лучшем случае вас переправили бы в Фес, в гарем к султану. И никакие богатства, ни связи, ни ваш дядюшка вам бы тогда точно не помогли! А в худшем... Вы уже испытали на себе воздействие сладких грез... Простите меня, но я вынужден это сказать... Вас предали, Лусия!

От подобных слов девушка сначала покраснела, потом побледнела, а потом пришла в неопишное возмущение:

– Да кто вы такой, чтобы мне говорить подобные мерзости?!

Дэвид Мирр подошел к ней так близко, что она явственно уловила запах табака и свежей мяты.

– Кто я такой?! Я – Дэвид Мирр, и, моя красавица, я покажу вам настоящую жизнь... Вы прожили лет семнадцать, не так ли? Но представьте, что вы до сих пор спали. Во сне вы видели много прекрасного и не знали ничего об этом мире. Позвольте, я разбуду вас... Но пока не тем способом, о котором вы бы подумали... Наш век таков, что человек – это в сущности ничто. Алчность, богатство движут людьми, заставляя забывать о Боге, о любви, о простых человеческих радостях. Живые человеческие чувства стали не модными в этом мире и их сменили на отношения купли-продажи. Вы, наверное, полагаете, что мавры, негры, индейцы – это не люди?! Что их можно покупать, продавать?! Делать с ними все, что вам вздумается и при этом оставаться безнаказанными?! В природе устроено так, что за грехи рода рано или поздно приходится платить. Если не своей кровью, то кровью детей и внуков. О, нравы, нравы!.. Как говорили древние: *Summum jus, summa injuria*⁷.

Возражать что-либо было бесполезно. Капитан не видел ее, смотря как бы сквозь нее. И тогда Лусия, собравшись с духом, смело парировала ему:

– *Aditum nocendi perfido praestat fides*⁸.

На лице капитана отразилось удивление.

– Вы знаете Сенеку?

– Почему бы нет?! Разве девушка в вашем мире не может знать Сенеку? – с вызовом спросила Лусия и решительно взглянула на него.

Похоже, капитан любит поговорить. Ну что ж... Встречала она таких болтунов. Что ж, она готова... Но ее снова обжег взгляд глубоких синих глаз. Что-то будущее не представлялось ей теперь таким светлым и радостным.

– Я слышала, *что* вы говорили Саиду.

– Что?

– Через несколько дней мы будем в Кадисе, не так ли?! – спросила она уже робко, с надеждой.

– Да, это правда, если только ветер не переменится.

⁷ *Высшее право* – высшая несправедливость; высшая законность – высшее беззаконие (*лат.*).

⁸ Доверие, оказываемое вероломному, дает ему возможность вредить (*лат.*).

– Послушайте, сэр Дэвид. Я вижу, чувствую, что вы чем-то так обижены на мир, что не собираюсь вас переубеждать в этом... Но я верю, что Бог не оставит нас. Я верю, все будет хорошо... Поверьте, я достаточно состоятельна. Когда родные узнают, что я спасена, они щедро отблагодарят вас.

Дэвид Мирр ничего не ответил. Он внимательно смотрел на девушку, словно пытался прочесть ее мысли. Потом взял за руку и стал исследовать каждую линию на ладони. Его прикосновение было для нее неожиданно-приятным. Лусия должна была прийти в негодование от такой бесцеремонной выходки, от подобной наглости, но не могла ничего произнести, не хотела... А он... он гладил тыльную сторону ее ладони.

– Какая у вас нежная кожа, словно лепестки розы... Вам когда-нибудь гадали по руке?

Девушка не ожидала подобного вопроса и, запинаясь, ответила:

– Когда я была маленькой... В Испании есть колдунья Франческа. Что она говорит, все исполняется. Франческа предсказала королеве, что у нее родится сын. У него будет слабое здоровье, и он рано умрет. Да, наш король страдает тяжелой болезнью. Как знать? Может, он и впрямь не излечится до самой смерти.

– Какая же вы все-таки жестокая! – с улыбкой произнес капитан.

– Отчего же?

– Неужели вы не желаете здоровья своему королю?!

– Нашего короля совершенно не волнуют нужды его народа!

Минуту они молчали, изучая друг друга. Потом капитан спросил:

– И что же? Франческе не отрубили голову? Не сожгли как ведьму на костре? Опасно в наше время произносить подобные вещи, вам так не кажется?!

– Нет, что вы! Франческа жива до сих пор. Ей уже почти сто лет. Представляете?!

– Хм... Интересно, что же Франческа предсказала вам?

– Она предсказала, что я выйду замуж за англичанина и его род будет древнее королевского.

– И вы в это верите?!

– Конечно же! И потом... Мой отец, Франсиско Тенорио, пообещал отдать меня в жены сыну своего лучшего друга, сэра Эдварда Готорна. Роберт Льюис – мой жених, и я давно была бы в Англии, если бы не эти пираты...

Дэвид нахмурился и наконец отпустил ее руку. Затем подошел к окну и заглянул за борт.

– Знаете, что привлекает меня в океане? Его глубина. Пройдет еще много, много веков, прежде чем люди найдут способ исследовать мировое дно. Вы знаете, сколько потонуло кораблей со дня сотворения мира?! Нет, этого не знает никто. Сколько кораблей уже потонуло и потонет. А сколько богатств сокрыто там, на глубине! Атлантида скрылась под водой, и никто не узнает, какие реликвии утеряны. Здесь, на земле все суета сует, *Vanitas vanitatum et omnia vanitas*⁹; люди куда-то вечно торопятся, спешат; спешат выйти замуж, родить детей, спешат побольше украсть, взять от этой жизни... А там, на дне океана суеты нет. Тишина и покой. Когда-нибудь и мы уйдем на дно. И вечность рассудит нас...

Лусия поехала. Ей вовсе не хотелось оказаться сейчас на дне океана. «Какой-то он странный», – подумала она...

Уже совсем стемнело, и там, на горизонте, умирали последние лучи уходящего солнца. Небо и океан – две стихии – стали одним целым, и казалось, что это та самая первородная бездна, из которой когда-то Бог сотворил небо и землю, сотворил птиц и животных, сотворил человека. Бездна была пугающей, но одновременно влекущей. Лусии стало страшно, и она

⁹ Слова из книги Екклесиаста, авторство которой приписывают царю Соломону [Еккл. 1:2]. Дословно: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!» (лат.).

невольно качнулась, словно невидимая сила подтолкнула ее к Дэвиду. От капитана исходило тепло и уверенность...

Опомнившись, Лусия вздрогнула и поспешно отстранилась от него. Чтобы унять дрожь, села в кресло.

– Сэр Дэвид, – сказала она едва слышно, – я благодарна вам за то, что вы спасли меня. Только я все-таки не понимаю, зачем вы это делаете?

– Что?

– Кто я здесь?

– Вы – моя гостья, и можете быть уверены, что никто на борту моего судна не причинит вам зла.

– И все же я не понимаю. Зачем вы это делаете?

– Что именно?

– Зачем вы помогаете мне?

– Вы же ответили сами... ваши родственники будут искать вас, и я получу вознаграждение.

– А если меня не будут искать? Если уже нет того, кому я нужна больше жизни? Тогда вы ничего не получите... Что тогда?

– Тогда вы останетесь со мной, – полушутя – полусерьезно ответил Дэвид. – И мы вместе будем изучать мировое дно... – Что?! Вы убьете меня? – О, боги, боги! Зачем вы только создаете прекрасных женщин глупыми?! Просто запомните, что я всегда получаю то, что хочу... И потом... что может быть лучше той награды, что есть передо мной?!

Лусию передернуло от возмущения. Теперь понятны стали истинные его намерения. Сэр Дэвид выкупил ее у Саида с тем, чтобы она... Боже, да как он смеет так думать! И непонятно, что больше ее возмутило: подобное смелое, совершенно беспринципное заявление или его нахальная усмешка и взгляд.

Его взгляд... Дэвид был слишком самоуверен и вызывающе дерзок! Да, это так и есть. Саид продал ее капитану! И все же она хотела отвести от себя самые худшие подозрения.

– Вы всем помогаете? – спросила она.

– Тем, кому хочу.

– А?

– Испанцам... Я помогаю испанцам.

– Зачем?

– Зачем я помогаю испанцам?! Это давняя история... Я бы не хотел об этом сейчас говорить.

– Судя по вашей внешности, вы не испанец. Скорее всего, англичанин, – продолжила наблюдения девушка. – Поэтому непонятно, почему вы нам помогаете. Хотя, конечно же, христиане обязаны помогать друг другу...

– Ваши наблюдения ошибочны, – он грубо прервал ход ее рассуждений. – Я – мусульманин. Мое настоящее имя Давид-ибн-Мулай бен Рашид. И я испанцам помогаю вовсе не из интересов вашей веры... У меня другие цели... Да, я знаю, о чем вы подумали сейчас... Посмотрите на меня и успокойтесь... Разве я похож на того, кто торгует красивыми женщинами?!

– Простите, – тихо сказала она, опуская глаза, словно в чем-то была перед ним виновата. – Наверное, я ошибалась... Но если вы – Давид Рашид, то как же в письме? Дэвид Мирр?!

– Да, – уже мягче добавил он, – Вы спросите, почему я так представился вам... Меня друзья-христиане называют Дэвидом Мирром¹⁰... Лусия, я хочу быть вашим другом... И я

---

¹⁰ Дэвид Мирр (дословно) – «любимый мирры». Мирра, по-другому смирна, – благовоние, применяемое в медицине и парфюмерии. Между тем прозвище героя несет ироничный оттенок, поскольку слово «Мирр» здесь употреблено в переносном

верю, что мы подружимся... Нам нечего делить... Для друзей я просто Дэвид... И для вас, если хотите... Вам же так привычнее, не так ли?! И вот вам моя рука в знак нашей дружбы...

Сэр Дэвид так просто и искренне протянул ей руку, что Лусия, не задумываясь, с готовностью приняла ее. Но как только маленькая женская ручка коснулась его ладони, пальцы Дэвида невольно дрогнули и резко сомкнулись.

– Ну что же, на сегодня беседа окончена. Спокойной ночи, сеньорита Лусия!

– Спокойной ночи, сэр Дэвид.

– Да, не забудьте. Завтра я жду вас к обеду!

С этими словами, не дав девушке опомниться и что-либо возразить, Дэвид быстро удалился.

Лусия с трудом перевела дыхание. *Calamitas virtutis occasio*¹¹ – произнесла она вслух и осенила себя крестом. Ее была мелкая дрожь. Духовный поединок на сегодня был окончен.

смысле, как женское имя «Мирра». Иными словами, «любимый дочери царя Кипра». См. древнегреческую мифологию.

¹¹ Бедствие – пробный камень доблести (*лат.*).

Глава 4

На следующий день Лусию разбудил стук в дверь. Солнце уже стояло высоко, освещая далеко, на сотни кабельтовых, сине-зеленую гладь воды. Водяная пустыня едва-едва приходила в волнение. Каюта нагрелась, и ничто, казалось, уже не напоминало о прохладной ночи... только... едва уловимый запах мяты и прекрасного, едва пробудившегося ото сна тела молодой девушки. Да, и еще – кто-то явно напрашивался в гости. Лусия неохотно открыла дверь.

Ярко-рыжая голова верзилы – старшего помощника Дэвида Мирра – уже неоднократно мелькала перед ней. Вот и теперь настойчиво требовала внимания.

Звали старшего помощника Фокс. Вероятно, свое прозвище он получил из-за рыжей копны волос. Симпатичное широкое лицо с прямоугольным подбородком. Казалось, улыбка не сходила с его лица никогда. Крупные большие руки, которыми Фокс выполнял самую трудную и, вместе с тем, самую тонкую изящную работу. У него было одно увлечение, о котором знали все, едва вступив на борт судна: он собирал раковины и делал из них кольца, бусы, разные украшения; мог вырезать из раковин фигурки животных, статуэтки девушек. Словом, имя Фокса не слетало с уст моряков и чаще других оказывалось предметом жесточайшего обсуждения.

Яркой была не только внешность старшего помощника. Его манера говорить через нос казалась девушке необычной, если не сказать смешной, но тот почему-то решил, что он француз (хотя французом никогда не был!) и, не зная французского, пытался интонацией, жестами, мимикой передать свое «французское» происхождение. На вид лет ему было столько же, что и капитану, но выглядел он, в отличие от Дэвида, неопрятно; одевался кое-как: мог надеть рубашку, турецкие шаровары и обмотаться кушаком, а мог вообще разгуливать по палубе без рубахи, чтобы все видели его широкий загорелый торс; за подобное поведение он неоднократно получал от капитана выговор. А обувь – девушка не знала, носил ли он вообще обувь. Но то был Фокс, и ему, в отличие от других, позволялось многое; он был любимчиком капитана и – всей команды.

– Прекраснейшая сеньорита Лусия, – важным тоном произнес старший помощник, – не собла... соблагли... тьфу ... в общем, прошу вас в обеденный зал.

Девушка рассмеялась. Фокс был таким забавным! Но потом стихла. Она снова увидит капитана... То, что было вчера, то, что она услышала...

«Я – мусульманин». Дэвид был язычником для нее. А, значит, он не будет соблюдать условностей, принятых в христианском мире. И, по всей видимости, у него свои представления о нормах морали, правилах, запретах... Но, с другой стороны, он так настойчиво пытался убедить ее в том, что она в безопасности, что он друг для нее... И это пожатие руки...

Отказаться, сославшись на плохое самочувствие?! Нет. Кто знает, какие будут обстоятельства? Никто не поручится, что через какое-то время капитан не пожалует сам в каюту и не нарушит столь желаемое для нее уединение.

Нужно идти. По крайней мере, в обеденном зале она не будет с ним одна, и он не сможет снова «заболтать» ее.

Девушка почувствовала, как холодеют руки. Капитан внушал ей страх и трепет... «Бояться?! – подумала она. – Вот еще! Лусия Тенорио Вернадес де Сааведра ничего и никого не боится... Хм... Вероятно, там будет Фокс... он защитит ее...». (Лусии казалось, что рыжий верзила обязательно защитит ее). И, в конце концов, никто не смеет обвинить наследницу Кордобы в трусости!

– Хорошо, я буду готова через полчаса, – сказала девушка Фоксу и закрыла дверь.

Зачем она попросила полчаса, словно полчаса что-то решит? Ей все равно придется последовать за старшим помощником под пристальные взгляды и улюлюканье матросни. К тому же, ее ужасно раздражало турецкое красное платье, доставшееся в наследство от Фатимы.

Одежда, которую выдали ей, казалась непристойной: она совсем не скрывала совершенные женские формы, а, наоборот, цепляла внимание. Девушка чувствовала себя глупо-неуверенно. И это улюлюканье за спиной. Знали бы все, кто она!

Да и Фокс иногда кидал на нее такие красноречивые взгляды, что приводил, мягко говоря, в смущение. словно она самая последняя грешница на земле! А что говорить об остальных мужчинах на корабле?! Разве она виновата в случившемся?

Спустя отведенное для приготовлений время Фокс снова постучал в дверь, уже более настойчиво.

– Полчаса прошло, – напомнил он.

Бог ты мой, какой он настырный! Девушка страдала от потери отца, от перенесенной боли! А после болезни страдала еще больше. Зачем она здесь? Иногда Лусии казалось, что все, что с ней произошло и происходит до сих пор, происходит во сне. И она вот-вот скоро проснется... Разные мысли одолевали ее. То она хотела, чтобы ее высадили где-нибудь на необитаемом острове, чтобы она смогла спокойно молиться и благочестиво умереть; то, чтобы ее доставили обратно в Севилью, к родным; то ей хотелось отправиться на поиски отца; то она мечтала очутиться в Англии, в семье Готорнов; то она хотела, чтобы...

Впрочем, чего только не хотят и о чем только не мечтают девушки?! Конечно, хотелось бы, чтобы все, что произошло с ней в последний месяц, оказалось просто страшным, кошмарным сном...

А потом она вспомнила руки и глаза капитана, и словно какой-то бес нашептывал ей: «Дэвид, Дэвид Мирр». В конце концов, что за странное имя? Как там? Давид-ибн... Рашид?! И неужели правда, что он мусульманин? Язычник? Мулай аль... ибн... Как там дальше? То ли Рашид, то ли... Да, он мусульманин. Как странно! Никогда не видела, чтобы мусульмане были... «Такими красивыми», – нашептывал бес внутри нее. «Святая Дева Севильская, спаси меня!» – Лусия беззвучно читала молитву. Какое-то наваждение с этим сэром Дэвидом! И когда же наконец они придут в Кадис?!

А что если капитан просто использует ее в каких-то своих, возможно даже, политических целях? Что это он там вчера говорил про мир, про обстоятельства, про Ватикан?! Если он выкупил ее у Саида с тем, чтобы потом получить с Кордобы гораздо больше денег? Если он зарабатывает таким образом всякий раз, когда к нему попадают испанцы, точнее, испанские женщины?! Да уж, в галантности Дэвиду не откажешь. Явно, он имеет большой опыт общения с женщинами... От подобных мыслей у Лусии закружилась голова, и желудочный спазм вызвал очередной приступ тошноты.

«Святая Дева Севильская, дай мне силы», – шептала Лусия, целуя распятие. Запах ливанского кедра и молитва немного успокоили ее. Затем, вздохнув, она поправила волосы и распахнула дверь.

– Я готова, – сказала она Фоксу и гордо вскинула голову. Вид у нее был такой решительный, словно она шла на эшафот. Одобрительная улыбка старшего помощника внушала ей в ту минуту больше хладнокровия, чем слова вызубренных латинских выражений, которыми она собиралась при встрече «сразить» капитана.

Они прошли к полубаку, где располагались каюты боцмана, корабельного плотника, кока. Там же был и камбуз, откуда слышались ароматы вкусной еды и доносилось пение на незнакомом Лусии языке. Пройдя еще немного, они оказались перед кают-компанией.

Двери легко открылись от одного толчка больших влажных рук Фокса. Перед глазами Лусии предстало просторное светлое помещение с уже накрытым длинным столом...

– А где все? – удивилась Лусия. В кают-компании никого не было.

На минуту взгляд девушки задержался на столе, точнее на том, что там было расставлено. Такого изобилия она не помнила со времен Алькасаара. «Гамбас а ла планча», гаспачо, «сопо дел пэскадо», паэлья, сладкий флан, «каламарэс а ла романа», гусиный паштет... Рядом

с испанскими блюдами красовались кушанья, совершенно прежде незнакомые ей, и те, которые она уже пробовала в доме Саида: кебаб из рыбы, долма, различные закуски, пастирма. Стояли вина и сладкие напитки, вроде пекнеза (вываренного виноградного сока) и мухаллеби.

У Лусии кружилась голова. Она обернулась к Фоксу, но от того и след простыл. На какую-то минуту девушка осталась совершенно одна.

– Прошу, присаживайтесь, – услышала она знакомый голос и обернулась.

Капитан вошел неслышно, словно огромная дикая кошка.

– Разве никого больше не будет, сэр Дэвид? – вздрогнув, спросила она и присела на высокий стул из венге, обитый парчой и любезно придвинутый к ней.

– А кого вы хотели бы видеть? – полушутя, полусерьезно спросил Дэвид, беря в руки салфетку. – Я больше никого не приглашал.

– Но ведь стол...

– Это все для вас, несравненная сеньорита... Помните, как у Данте? «Такой восторг очам она несет, при встрече с ней ты обретаешь радость, которой не познавший не поймет...»

Лусия опустила глаза. Щеки ее алели. Капитан же, несмотря на ее смущение, продолжил:

*Tanto gentile e tanto onesta pare
La donna mia, quand'ella altrui saluta,
Ch'ogne lingua devèn, tremando, muta,
Eli occhi no bardiscon di guardare*¹²...

– Довольно, прошу вас. Иначе я сейчас же уйду! – воскликнула она.

Да, по ее виду можно было понять, что она даже напугана.

– Не гневайтесь на меня, прошу вас! Это все оттого, что я редко бываю в приличном обществе, – со вздохом произнес капитан. – Мне бы хотелось, чтобы вы чувствовали себя как дома.

– Зачем?

– Хм... в Испании, наверное, сейчас хорошо... цветут апельсины...

– Они уже давно отцвели! И прошу вас, сэр Дэвид, перестаньте! Может быть, для вас – это забава... но... я не знаю даже...

– Тогда не говорите того, чего не знаете! Женщине лучше молчать, чтобы казаться умной, – сухо сказал он, и костяшки пальцев, которыми он сжимал вилку, побелели.

Лусия сглотнула нервный ком. Почему простые, безобидные слова он воспринимает как оскорбление? Странные люди мусульмане. Но она должна была знать, что ее ждет.

– Ешьте, – сказал он тоном, не терпящим возражений. – Мой кок отлично знает, как полезное сделать вкусным и как из ничего сделать всё.

Лусия взяла вилку. Рука предательски дрожала. Она жутко боялась капитана, и сама не знала почему. Она с детства никого и ничего не боялась, а тут... Она даже не знала, как себя с ним вести, что и как говорить. Теперь она даже не могла смотреть ему в глаза, словно была в чем-то виновата. Поэтому красоты и ароматы кушаний как-то не очень занимали ее. И потом... тошнота...

– Почему вы ничего не пробуете? Или вас что-то не устраивает?

Сказать правду и признаться в том, что она испытывает приступы морской болезни? Или что она боится его? Нет, нельзя. Девушка опустила голову и попыталась попробовать паэлья, хотя в жизни никогда не ела паэлья. Дон Франсиско считал, что это еда бедняков, и не позволял дочери пробовать многое из того, что было сейчас на столе капитана.

---

¹² Строки из сонета Данте Алигьери к Беатриче: «Столь благородна, столь скромна бывает/ Мадонна, отвечая на поклон, / Что близ нее язык молчит, смущен, / И око к ней подняться не дерзает» (рус. пер. А. Эфроса) (*итал.*).

– Я хочу знать правду, – наконец решительно сказала она.
– Какую?
– Кто я здесь?
– Я вам уже говорил.
– Но после того, что вы мне вчера сказали...
– Что?
– Нет, давайте только не будем играть в благородство... Может быть, это принято так у мусульман, – Лусия подбирала слова, чтобы найти подходящие.
– В благородство обычно играют христиане, – заметил он.
Лусия ожидала, что ее худшие опасения подтвердятся. Капитан словно прочитал ее мысли.

– Да, я выкупил вас у Саида. Вы это хотели услышать?
– Значит, я ваша наложница?
– Если хотите, да.

К горлу девушки снова подступила дурнота. А в голове звучала только одна нота с наигранным «Почему?». Жутко хотелось пить. Хорошо еще, что они сидели за столом так, что он не мог прямо на нее смотреть.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Дэвид, искоса взглянув на девушку.
– Хорошо, – ответила она неуверенно.
– Позвать кока?

– Нет, спасибо. Все очень вкусно, только я не голодна. Я бы, пожалуй, чего-нибудь выпила.

Дэвид позвонил в колокольчик, и кок тут же явился, словно вырос из-под земли.
– Чего изволите? Вина, воды, пекнеза или... ракы?

Почему-то Лусия выпалила «ракы», хотя она не знала, что это такое... Капитан нахмурил брови, но все же кивнул в знак одобрения. Лусия даже не успела нахмурить брови в ответ, как кок уже стоял возле нее с так называемым «ракы».

Лусия взглянула на кока и обомлела. Мужчина был весь как в саже: лицо, руки, волосы. Чернота его кожи еще больше контрастировала с белизной фартука. Это был ... бес, выскокший из преисподней, это был бес из ее сна. Желтые белки черных глаз, толстые губы, крупный подбородок, кудри, выбивавшиеся из-под головного убора, и массы всего этого было куда больше, чем вес его коротких ножек и несоразмерно длинных рук.

Лусии совсем расхотелось есть, и она одним залпом выпила то, что ей поднесли. В ту же минуту горло обожгло, будто она проглотила пламя; ей показалось даже, будто внутри нее взорвалась преисподняя. Лусия сильно закашлялась, чем только вызвала смех капитана.

– Возьмите, съешьте, – сказал он, протягивая яблоко. – Уж истинно Писание: *خلق الله امرأة للمتعفة¹³* вы знаете и не должны знать?!

Лусия не нашлась, что ответить, но после выпитого ей стало намного легче, тошнота ушла, и все произошедшее воспринималось уже как дурной сон. А происходящее... Если она наложница, то у нее нет другого выбора. Она должна откупиться или умереть. Может быть, для начала просто напиться?! Она посмотрела на пустой бокал, потом на капитана и сказала:

– Какой у вас странный кок.

– Вы находите? Он был рабом у Исмаил-бея, пока я его не выкупил. Талант не должен пропадать... Ну же, ешьте... Ешьте, и вам станет намного легче.

Лусия понемногу отведала всего, в том числе не погнушалась паэли и турецких закусок. Оставалось теперь время для десерта. А уж, как известно, равных мусульманам по части слад-

¹³ Аллах создал женщину для забавы (*араб*).

кого нет. Щербет, халва, цукаты из каштана, айран, пекнез... Девушка никогда в жизни не ела так много и так вкусно. Но ее не покидала мысль, для чего все это? Явное противопоставление восточно-испанского не давало покоя. Капитан хотел этим сказать, что на Востоке все лучшее?!

В конце концов Лусия осмелела настолько, что неожиданно выпалила:

– Я согласна...

– На что?

– Я дам вам выкуп... больше того, что вы заплатили за меня Саиду... Сто тысяч подойдет?!

Капитан усмехнулся.

– Откуда вы знаете, сколько заплатил за вас я?

– Догадываюсь... Тем более, я слышала, что говорили ваши люди обо мне...

– Хм... Откуда же вы возьмете деньги?

– Если вы позволите, я напишу письмо, и мои родные отдадут за меня сто, нет двести тысяч, если нужно...

– Мне не нужны ваши деньги! – раздраженно бросил он. И спустя какое-то время уже неожиданно спокойным, ровным тоном добавил:

– Хорошие, добрые чувства не купишь ни за какие деньги.

Лусия посмотрела ему в глаза. Неужели это правда? Неужели этот человек, сидящий перед ней, так бескорыстен?! Значит ее подозрение, что он зарабатывает нечестным путем, ошибочно? И потом... Разве у язычников есть понятие бескорыстия?! Есть ли у них вообще понятие *моралите*, которое ей с детства внушали?! Но она смотрела ему в глаза, и ей так хотелось ему верить!

И все же капитан помогал испанцам не просто так. У него какие-то цели; цели, в том числе и в отношении нее. «А если он шпион? Если он таким образом передает сведения на Восток? Что он говорил вчера? Ну да, всему миру известно, между Испанией и Алжиром в любой момент может разразиться новая война...», – подобная мысль так сильно поразила ее, что это не ускользнуло от Дэвида. «Тогда и странности на корабле, очевидные странности в самом поведении капитана, в его словах вполне объяснимы».

– О чем вы думаете? – спросил Дэвид.

Сказать правду или промолчать? Молчание было бы благоразумным, но выпитое «раки» делало свое темное дело.

– Знаете, мне почему-то кажется, точнее, я почти уверена, что вы – шпион, сэр Дэвид! – воскликнула девушка.

Капитан резко поднялся из-за стола.

– Подобные заявления оскорбляют меня! Пойдемте, сеньорита, обед закончен.

Лусии ничего другого не оставалось, как последовать за Дэвидом. И они покинули кают-компанию...

Ванты, такелажи, снасти рангоута и крепкие, тугие от ветра паруса... Перед глазами стоял туман. Она ничего не видела и упала бы, если бы ее вовремя не поддержала сильная рука... Почему-то она решила, что капитан не намерен с ней продолжать разговор, что она спокойно может следовать в свою каюту. Но вскоре девушка поняла, что в очередной раз ошибалась...

– Наложница, моя наложница, – произнес Дэвид Мирр, усмехнувшись. – Да вы вообще имеете представление о том, кто такие наложницы?!

– Да.

– Вот как?!

– Наложницы несут повинности до тех пор, пока не выплатят налог, если, конечно же, кто-то не возьмет обязательства по выплате их долга или если их не простят... Вы тоже назначите для меня работу?

– Вы это серьезно?! Это вы только что придумали? Иншалла! – воскликнул капитан, и глаза его засверкали. – Вы... вы...

Девушка не успела опомниться, как крепкие руки Дэвида подняли ее в воздух и опустили возле незнакомой прежде двери. То была каюта капитана. Лусию снова стала бить дрожь, но выбора не было: либо шагнуть за дверь, либо вновь очутиться в объятьях Дэвида Мирра. Видя ее неуверенность, он с улыбкой произнес:

– Не волнуйтесь, я не буду покушаться на вас. Вы не в моем вкусе...

Но поскольку Лусия еще пребывала в нерешительности и видя, как его люди с интересом наблюдают за ними, капитан поспешно добавил:

– Не бойтесь меня. Сегодня повинностей не будет...

– Я вас не боюсь.

– Вот и хорошо.

Лусия задержала вздох и шагнула за дверь.

Войдя, она первым делом осмотрелась. Каюта была уютной, довольно большой; стены, задрапированные светло-голубым гобеленом, позолоченный потолок, выше обыкновенного; дубовый пол, скрытый за старым, но довольно дорогим персидским ковром, – все это передавало ощущение бесконечного простора.

Посредине каюты стоял стол из сиамского палисандра, и солнечные блики играли с его причудливой резьбой. На столе были разложены карты, книги, перья, что создавало некую ауру творчества. На потолке, над столом, качалась старинная люстра с множеством подсвечников, напомнившая о временах рыцарей. И – изобилие всяких шкафчиков, полок, предназначавшихся главным образом для книг. А их, как она уже успела заметить, было сотни, десятки сотен...

В углу расположился массивный диван с потертой от времени, но весьма дорогой обивкой кофейного цвета. Напротив, на стене, скрытой за дверью, находилась коллекция холодного и огнестрельного оружия. Там были шпаги, кончары, мечи, сабли, модфа, петриналь, аркебуза, арбалет и кинжалы разных видов, собранные, вероятно, в разное время и разными людьми.

«Зачем ему все это?!» – подумала Лусия и поежилась. Однако теплые лучи солнца, падавшие на нее через раскрытые окна каюты, успокаивали, согревали надеждой...

Капитан стоял молча и в то время, пока девушка разглядывала каюту и не могла видеть его, любовался ею, ее роскошными черными волосами, спадавшими до тонкой талии, лучистыми черными глазами, взиравшими на мир с такой доверчивостью и любопытством; любовался ее красиво изогнутыми бровями, мягкими, напоминавшими экзотический цветок, девичьими губами, бархатистой белизной лица и тонкой длинной шеи... И алый шелк ее платья, к которому так и хотелось прикоснуться... «Совсем еще ребенок...», – подумал он, и, чтобы девушка не поймала его взгляд, неохотно отвернулся и подошел к одной из книжных полок.

– Вы читали что-нибудь из Овидия? – спросил он, нарушая молчание.

Лусия вздрогнула от его голоса. Она не расслышала вопроса и посмотрела на его руки, которые в ту минуту показались почти родными... Просто поразительно, насколько знакомы были его руки! А руки, действительно, были необычными: большие, сильные, с длинными цепкими пальцами, напоминавшими когти хищной птицы – орла или, точнее, ястреба. И во всем облике Дэвида было что-то ястребиное. Нет, своего он уж точно не упустит, – подумали бы вы.

– Вы читали Овидия? – капитан повторил вопрос.

– Нет. А что он написал? – девушке было неприятно от осознания того, что она может что-то не знать.

Франсиско Тенорио был очень разборчив в отношении того, что предназначалось его дочери, и поэтому античную литературу она почти не знала. В дом допускался только Сенека и Гораций. Поэмы Гомера и какие-то выдержки из сочинений Цицерона и Геродота Лусия тоже знала и с удовольствием цитировала их. В основном же ее чтение сводилось к духовной

литературе: молитвам, агиографии, святочным рассказам. Кроме того, от своей кормилицы девушка восприняла многое из фольклора.

– Да, как же я посмел забыть, что католичке не пристало читать языческую литературу! – воскликнул Дэвид с усмешкой.

– Ваш корабль носит имя «Овидиос». Почему? – спросила Лусия, отступая от капитана на несколько шагов.

– Хм... Мой корабль назван так в честь римского поэта. Ὀβίδιος – это мой знак, знак моей судьбы... Как вам это? *Варваром я здесь слышу: моя речь непонятна туземцам, Слова латинского звук смех вызывает глупцов...* Ὀβίδιος был изгнан из своей страны, изгнан за правду... Ну а теперь... теперь я понимаю, что Ὀβίδιος был прав... Правда дороже жизни... Кстати, вы знаете историю Пигмалиона?! О, конечно же нет. Если на то будет воля Аллаха, я когда-нибудь расскажу его историю. Но, – с поспешностью добавил Дэвид, – вы хотели знать, кто я? Вы действительно полагаете, что я – шпион?!

Лусия уже давно пожалела о том, что назвала Дэвида шпионом. Но он, к великому сожалению, об этом не забыл. И теперь настойчиво чего-то от нее требовал.

– Простите, мне и правда иногда лучше молчать. Я сказала не подумав, – произнесла она, краснея под его пристальным взглядом. Как он может на нее так смотреть! Это уже есть грех! Но разве язычнику объяснишь, что такое грех?!

– Я не осуждаю вас. Но не хочу, чтобы вы так думали. Вот, пожалуйста, посмотрите сюда, – Дэвид выдвинул ящик стола и достал оттуда какую-то блестящую вещь.

Чтобы рассмотреть то, что протягивал ей капитан, Лусия подошла ближе. Это было что-то круглое, золотое, усыпанное мелкими и крупными бриллиантами на длинной золотой цепи толщиной в два ее пальца; под стать самой королеве или, точнее, королю. Неожиданно круглый затвор щелкнул, и Лусия поняла, что это часы.

– Осторожно! – предупредительно воскликнул он, – Это единственная вещь, проливающая свет на мое прошлое... Давайте присядем.

Капитан указал девушке на стул.

Лусия поспешно села. Все ее внимание было поглощено часами. Она никогда не видела прежде столь изящной работы. Маленькая точеная золотая стрелка совершала круг, открывая изображенный на циферблате герб со львами. На задней стенке часов стояли инициалы «D.M.» со звездой Давида.

– Наверное, эту вещь мог сделать только самый искусный в мире мастер?!

Лусия взглянула на Дэвида. Она ждала его объяснений.

– Эти часы – единственная вещь, которая была при мне в тот далекий день. Я был еще младенцем, когда под вечер убогая старушка принесла меня в дом Мулай Рашида (ныне, как вам известно, правителя Феса). Ее пытались схватить, но она с невероятной прытью, неожиданной для ее возраста, вырвалась и убежала, оставив меня на попечение мусульман... Кто была эта женщина, неизвестно... На следующее утро несчастную старушку нашли в пустыне, растерзанную гиенами... Так вот, как видите, меня не убили, а оставили в живых. Согласуется ли это с вашим представлением о мусульманах?! Часы не могут быть дарованы простым смертным, так полагали во все времена. И Аллаху было угодно, чтобы я жил. Меня назвали Давидом. Моим приемным отцом стал правитель Марокко... Султан воспитал меня как сына, подобно другим своим сыновьям, и дал не худшее, если не сказать лучшее, образование. Правда, наследником его имущества я не являюсь, но это, признаться, оказывается не так уж и плохо... Через какое-то время у меня появилось свое дело; я стал лечить людей, открыл аптеку в Фесе, затем в Сале... И все бы хорошо, только мысль, что я не знаю ничего ни о своем рождении, ни о том, кто мои настоящие родители, не давала мне покоя... Итак, я начал выяснять обстоятельства, приведшие меня в дом султана. Эти обстоятельства убеждают меня в том, что я – испанец.

– Вы совершенно не похожи на испанца! – воскликнула Лусия.

– Вы правы, но есть косвенные свидетельства, указывающие на то, что я – испанец. В-первых, та женщина, которая принесла меня в дом Мулай Рашида, была испанкой. Она была одета как испанка, при ней были обнаружены испанские вещи. И записка тоже была на испанском.

– А где сейчас эта записка?

– К сожалению, записка была утеряна... Потом мне удалось выяснить, что старушка была с испанского корабля, потерпевшего кораблекрушение у берегов Сале. Так я постепенно пришел к заключению, что мои родители из Испании, возможно даже, из Кадиса. Единственное, чего я не мог понять, – почему со мной были эти часы. Ведь испанка могла продать их, чтобы не умереть с голода!.. Видите, вот... Герб со львами, инициалы на часах... Тогда я стал думать, кто и где мог сотворить подобную вещь. Как вы думаете, кто мастер?

– Право, даже не знаю...

– Я снарядил экспедицию в Республику¹⁴ и пробыл там несколько месяцев, пока след не привел меня к мастеру.

– И?!

– Это был Христиан Гюйгенс¹⁵.

– Гюйгенс? Математик?!

Капитан улыбнулся. Ему льстила осведомленность девушки.

– Христиан Гюйгенс передал мастеру патент на изготовление часов, скрыв имя мастера...

– Но может быть лучше тогда спросить у самого Гюйгенса?

– Что вы! Разве вы не знаете, что у умерших и пропавших без вести ответа не ищут?! К сожалению, Гюйгенс исчез, в его родном городе его давно не видели...

– А часовой мастер?

– Мастер умер, и в его мастерской не нашлось никого, кто бы мог достоверно сказать, кому принадлежали эти часы... Потом я обнаружил книгу мастера... Из книги я узнал, когда и для кого были сделаны часы. К тому же, дата на часах (вот видите?) совпала с днем моего рождения, во всяком случае, я так предполагаю. В графе напротив фамилии заказчика стояли те же инициалы, что вы видите теперь. *D.M.* А что такое *D.M.* в книге мастера?! Но в той же книге часового мастера рядом с этими инициалами было несколько слов по-испански, что-то вроде «Да здравствует король!». Так я и предположил, что заказчик был испанцем... В последний раз, так во всяком случае говорят соседи Гюйгенса, испанца видели у его дома до того, как исчез сам Гюйгенс и до того, как умер мастер... Странно...

– Что странно?

– Мне только сейчас в голову пришла одна мысль... Гюйгенс исчез в тот же день, когда умер мастер! И патент пропал...

– И?

– И на этом пока всё... Но я надеюсь, что когда-нибудь я узнаю правду о своем происхождении, узнаю, кто мои настоящие родители.

– Вероятно, они были довольно состоятельные люди... А тот корабль... Может быть, там кроется разгадка?

– К сожалению, единственное, что мне удалось узнать, так это то, что корабль шел из Кадиса. Вот потому, сеньорита Лусия, вы оказались на борту моего судна... Я надеюсь в Кадисе найти ответы на свои вопросы, а вы сможете оттуда добраться домой... А знаете ли вы, моя прекрасная попутчица, сколько испанских кораблей носит имя «Санта-Мария»?!

---

¹⁴ Имеется в виду Голландия.

¹⁵ *Христиан Гюйгенс ван Зейлхем* – голландский математик, физик, механик, астроном; один из основоположников теории вероятностей. Первый иностранный член Лондонского королевского общества (1663), член Французской академии наук с момента её основания (1666) и её первый президент (1666–1681).

Лусия улыбнулась. В Испании было принято называть девочек в честь Санта Марии, школы при монастырях и церкви – в честь Санта Марии; устраивать благотворительные сборы во имя Санта Марии, благодарить Санта Марию... Не мудрено, что каждый второй испанский корабль носил имя «Санта-Марии».

– А что же моряки?

– Матросы уже давно либо проданы в рабство, либо мертвы. Судовая книга покоится на дне океана... Местные пловцы погружались на дно, но не обнаружили ничего интересного для меня. Возможно, то, что меня интересует, лежит где-то еще глубже...

– Только мне все равно непонятно, почему мусульмане, например, тот же Саид, помогают вам?

– О, с Саидом отдельная история... Когда он служил у Мулай Рашида, шииты подняли восстание в Фесе. Восстание, разумеется, было подавлено, а Саид, защищая дом бея, оказался тяжело ранен. Он умирал, и марокканские врачи отказались лечить его... Я вылечил его. Он мне обязан жизнью и, хотя он терпеть не может европейцев, должен признать отчасти, что в его спасении повинен испанец.

– Кажется, теперь я многое начинаю понимать, – едва слышно сказала Лусия. – Но почему вы именно мне рассказали свою историю? Неужели я могу вам чем-то помочь?

– Во-первых, я не хочу, чтобы вы думали обо мне плохо, а, во-вторых, это так просто не выразишь словами...

Лусия, краснея, отвернулась от пристального взгляда капитана и посмотрела в окно, за которым расстилалось безбрежное, ослепительное в бликах солнца море, и почему-то ей показалось, что она где-то совсем далеко; тонет в морских волнах, в бликах ставшего огромным, во весь горизонт, красного солнечного диска...

Она снова почувствовала на себе пронизывающий взгляд капитана. Под впечатлением увиденного (а может, выпитое раки сыграло с ней такую шутку?!), она склонилась к Дэвиду настолько, что услышала на своих губах его дыхание.

– Почему вы на меня так смотрите? – наконец решилась она спросить. – В детстве мы играли в «сглядяины».

– Сглядяины?!

– Да, то есть кто кого пересмотрит... Вы знаете эту игру?

Но капитан молчал, и его молчание было красноречивее любых слов.

– Что ж, вы победили, сэр Дэвид!.. Перестаньте же теперь! Я никому не позволяю на себя так долго и пристально смотреть!

– Вы правы. Простите. Но, с другой стороны, что в этом плохого?! Я ведь люблюсь вами.

– Вы же сказали...

Дэвид коснулся ее плеча. Его ладонь была настолько горячей, что Лусии сразу стало жарко. Он думал успокоить девушку, ставшую внезапно нервно-раздраженной, и хотел заверить, что ей нечего опасаться, что у него нет никаких недостойных намерений. Но произошло совершенно невероятное для них двоих. От его прикосновения по телу девушки разлилось такое тепло, будто она проглотила огненный шар... И в глазах Лусии отразилось бескрайнее вечное небо...

Тогда капитан улыбнулся и тихо сказал:

– Я солгал вам. Разве вы бы осмелились войти в мою каюту?!

Лусия замотала головой, а зрачки ее янтарных глаз стали расширяться.

– Так знайте, теперь мы квиты, и, надеюсь, больше лжи не будет между нами, – сказал он и поспешно добавил: – Никогда...

Потом через минуту, показавшейся Лусии вечностью, почти шепотом сказал:

– Вам не нравится, как я смотрю на вас? А что в этом плохого? Разве кто-нибудь прежде смотрел на вас так, как я?!

Дэвид внимательно смотрел на девушку, пытаясь прочесть ее мысли, а Лусии казалось, что она – лишь сосуд, из которого медленно переливают ее жизнь в нечто более ценное, чему она еще не знала определения. Шелковое платье предательски сползло, открывая для взгляда совершенство юных женских плеч...

Лусия больше не могла противостоять тому, что с ней происходило. Она замерла, чувствуя, как огонь все больше опалает ее сердце. Между тем взгляд капитана, подобно солнечному лучу, беспрепятственно блуждал по ее лицу и телу...

Тут корабельный колокол оповестил о позднем часе. Лусия вздрогнула, пробуждаясь от того жара, который внезапно охватил ее.

– Простите.

– Нет, это вы простите меня.

Она попробовала встать, но ноги не повиновались ей. Голова кружилась, руки не слушались, и она выронила часы, которые крепко сжимала.

Сквозь отдаленный морской гул Лусия едва расслышала слова капитана. Дэвид Мирр спрашивал ее о самочувствии, но она не могла ни пошевелиться, ни ответить что-либо. «Боже, что со мной?! Я умираю?» С этими мыслями она провалилась в желанную синюю бездну Гипноса...

* * *

Предрабачные тени блуждали по стенам скромного пристанища Лусии. Девушка пыталась вспомнить, что с ней произошло накануне, но не могла. Что-то мешало или, точнее, не давало ей сделать это. Да, она обедала с капитаном, потом они оказались у него в каюте, потом он рассказал о себе. А дальше какой-то туман...

Неужели она совершила нечто ужасное?! Нет, этого не могло быть... Дэвид Мирр... Лусия не могла поверить в то, что он мог причинить кому-либо зло. Человек, поведавший такую тайну, доверившийся другому, не может совершить подлость. Или все же может?! Лусия содрогнулась при мысли, что было бы с ней, если бы на месте Дэвида оказался кто-то другой.

Нет, это неправда. Она цела и невредима, по всему телу разливалась истома... Что с ней? Она сгорит в огне, ее будут пытать в чистилище, если она будет думать о неверном... Но...

До сих пор был слышен *его* запах. Его руки... Теперь девушка не забудет их никогда! Нежные, горячие, крепкие... Ее прошиб озноб.

О чем она думает?! Святая Дева Севильская, защити ее от язычника! Не дай стать на путь гибели. Вот откуда этот страх... Никогда прежде она не позволяла себе даже думать о том, о чем думала теперь, никогда не позволяла мужчинам даже коснуться себя, или смотреть на нее так, как смотрел *он*! Боже правый, если завтра она не окажется в Кадисе, то неизвестно, что вообще будет с ней! Она погибнет только от одного его взгляда! Дэвид... Она мысленно представила его лицо... А его губы? «Дэвид», – выдохнула она и зарделась. Сладостное томление овладело ею снова. «Дэвид». Грудь горела, дыхание участилось...

«Нет, – убеждала она себя. – Я сильная. Это все происки сатаны. Мой жених – сэр Роберт Льюис – уж он-то точно не потерпит, чтобы его невеста думала о ком-то еще... Я его забуду. Я сделаю все, чтобы его забыть», – крикнула она кому-то в темноту. «Он – язычник, и нас ничто не может с ним связывать!»

Глава 5

*В веселье шла Любовь; и на ладони
Мое держала сердце; а в руках
Несла мадонну, спящую смиренно...*

Данте А.

На следующий день Лусия проснулась от собственного крика, растаявшего в звоне рынды. Что за чудовищный сон ей снился? Всякий раз, когда казалось, что она уже проснулась, сон снова и снова возвращался. И вот, отчаянно закричав, она наконец проснулась; проснулась с привкусом морской соли во рту. Постель была влажной, словно на Лусию ночью опрокинули корыто ледяной воды.

Ей снилось, будто она на палубе какого-то старинного судна. Ночь, темная, непроглядная, окутывает ее черным саваном, и кажется, что куда ни взглянешь, кругом бездна. Так тихо, будто все вымерло, и лишь слышно, как играет с колоколом налетающий порывистый ветер. А потом откуда-то выползает туман, серый, густой, как молочный кисель, и все ближе и ближе подползает к ногам девушки. Лусия сначала не замечает его. Она смотрит за борт, ищет, зовет кого-то, и бездна, словно акула, пытается проглотить ее...

Лусия старалась не верить в сны. По мнению дона Франсиско, пытаться истолковывать сны – большой грех, ведь в таком случае мы уподобляемся колдунам и ведьмам. Девушка наложила на себя крестное знамение и вышла из каюты...

На палубе сновали матросы. Одни закидывали сети, пытались поймать рыбу. Другие, закатав штаны и шлепая босыми ногами, драили палубу, проеденную морской солью и ветрами. Третьи, распевая пошленькую песенку, раскачивались в такт хода судна на «нитях» рангоута. Фрегат заметно сбавил скорость.

Матросы уже присмотрелись к женщине на борту и не оказывали ей столь явственных знаков внимания. Но всякий раз, когда девушка появлялась на палубе, они едва сдерживали улыбки и невольно замедляли работу. Вот и сейчас, как только показалась Лусия, песня матросов стала звонче, веселее, задористее.

Фокс, увидев Лусию, широко и дружески улыбнулся и вежливо поклонился.

– Как ваше самочувствие? – спросил он, впери в нее круглые зеленые глаза. – Нам стало известно, что вы вчера загадочным образом потеряли сознание...

Девушка не нашлась, что ответить ему. Откуда они знали, что с ней случилось?! Неужели им все рассказал капитан? Может быть, они знают, что с ней произошло, даже больше того, что знает она?! И каким таким чудесным образом она оказалась в своей постели?! И разве можно спрашивать о подобном?! Она чувствовала смятение и невольный стыд.

– Я чувствую себя хорошо, – заверила Лусия старшего помощника, но вид ее был потрясающе красноречивым. Воспаленные уставшие глаза, опухшие веки, легкое подергивание скул. Во всем облике читалась уязвленная гордость и, вместе с тем, детская незащитность.

– Неужели вас обидел капитан?! – прямо спросил Фокс и, не услышав от девушки опровержения, впервые за все время нахмурил брови.

– Наверное, я и впрямь не совсем здорова.

У Лусии снова закружилась голова и снова проявилась тошнота. Она схватилась за бортовые поручни, чтобы не упасть. То ли это морская болезнь давала о себе знать, то ли вчерашний обед... Но больше всего ее беспокоило другое...

Как она успела заметить, власть Фокса на корабле была внушительной. В нем было что-то такое, что, несмотря на уважение к капитану, заставляло многих искать поддержку в стар-

шем помощнике капитана. В Фоксе светилась какая-то доброта, детская непосредственность и, вместе с тем, в твердости и мужественности с ним могли бы поспорить разве только самые brave матросы. И невольно Лусия тоже поддалась очарованию Фокса, хотя раньше думала, что терпеть не может рыжих.

Единственное, что смущало девушку в старшем помощнике, – это его религиозные предпочтения, точнее, их полное отсутствие. Как-то Лусия спросила его, какого он вероисповедания, на что он (уже без своей наигранной французской манеры) ответил: «Аллах, Христос, Будда – все одно». Теперь же он внимательно, без тени улыбки и, как показалось девушке, с отцовской нежностью смотрел на нее.

– Вы проводите меня до каюты? – попросила Лусия, избегая смотреть туда, где мог быть капитан.

Между тем Дэвид Мирр стоял у штурвала и вел прекрасное белое судно. В застывшем облике капитана было что-то непроницаемо-холодное. В свете полуденного солнца он казался высеченным из камня; он был частью «Овидия»...

Фокс с удовольствием проводил до каюты онемевшую девушку, пожелавшую остаться в одиночестве...

* * *

Лусия не могла ни читать, ни лежать, ни сидеть. Ей все время хотелось куда-то бежать, прыгнуть в воду, наконец, или сделать что-то подобное, что не соответствовало привычному, сложившемуся в испанском обществе образу благочестивой католички.

Голова раскалывалась так, будто сам Гефест устроил там наковальню и теперь с особым усердием стучит своим молотом, выбивая искры из глаз. Но жаловаться кому-либо на плохое самочувствие она не хотела, поскольку, как она уже поняла, кроме самого капитана, на корабле никто никаких лекарств в руках не держал. А от одной только мысли, что Дэвид мог оказаться возле нее, на расстоянии вытянутой руки, девушку бросало то в жар, то в холод. «Какое-то дурацкое наваждение!» – думала она...

К обеду Лусия так и не притронулась. Она все время хотела пить. Пытаясь чем-либо занять себя, терзаясь угрызениями совести, мыслями самыми противоположными и подчас абсурдными, девушка, наконец, дождалась вечера.

Но и вечер не принес ей успокоение. К тому же, усилившаяся морская болезнь делала черное дело: Лусия чувствовала себя все более и более скверно. Как она мечтала в эти часы оказаться где-нибудь далеко на суше!

Как только пробило восемь склянок, Лусия решила, что в каюте находиться больше не может. Как она полагала, в это время никто не потревожит ее одиночество. И, действительно, на открытой палубе никого не было, и девушка спокойно стала осматривать судно и его бортовые примечательности. Так незаметно она дошла до полуюта и только тогда услышала знакомые голоса.

Капитан и его старший помощник стояли ближе к корме, и их фигуры отчетливо вырисовывались в лунном сиянии ночи. Одна, длинная, крепкая, фигура Фокса, другая, высокая и сухая, – капитана. Почему-то Лусия сравнила их с деревьями. Фокс был подобен платану, а капитан – кипарису.

Сейчас капитан был облачен в столь привычную для него одежду: светлая туника, подвязанная лентой из тонкой кожи, штаны из легкой полупрозрачной ткани, вроде тех, что носили в Марокко, по-восточному богато украшенная чалма, обвитая вокруг головы Дэвида... Почему-то его одеяние напомнило Лусии смертный саван воина Альмохады...

Капитан с Фоксом о чем-то оживленно говорили, быть может, они даже спорили. Фокс нервно курил трубку и, сбиваясь, переходил то на арабский, то на английский язык. Капитан, напротив, казался совершенно бесстрастным.

Лусия знала, что подслушивать нехорошо, но любопытство проявилось в ней еще до рождения. Чтобы не быть замеченной, она спряталась в тени бизань-мачты.

Девушке не все удалось понять, поскольку их разговор представлял гремучую смесь англо-испанских слов, семитских выражений, отдельных ругательств, значение которых Лусия не знала.

Говорил Фокс:

– Почему мы отклонились от курса? Помнится, еще сегодня утром мы шли норд-норд-вест. Направление ветра не менялось. Но на румбах компаса теперь норд-вест. В чем дело, капитан?! Компас что ли неисправен?!

Капитан ответил не сразу. Его отвлек шорох. Это Лусия случайно зацепилась за ванты стоячего такелажа и свернутую парусину, приготовленную плотником для починки.

– Нам потребуется остановка в Танжере, – неохотно ответил капитан.

– Я не вижу в этом необходимости. Судно исправно, и, если даже будет штормовой ветер, с нашими гребцами мы осилим путь до Кадиса.

– Нет. Если меня не подводит память, то именно ты видел сегодня испанскую бригантину. И именно ты рассказывал всем о красном флаге на ее грот-мачте.

– Ну и что? Красный, черный, белый... Какая разница? Даже если это пираты, им нечем у нас поживиться. И потом, у нас достаточно матросов и бочек с порохом в кюйт-камере.

– Нет, дело не в этом... Подозреваю, на судне эпидемия. Еще полгода тому назад (помнится, тогда мы были в Кадисе в последний раз) говорили о «новой» эпидемии, вроде бубонной лихорадки. А теперь поразмысли хорошенько. А что если порт в Кадисе закрыт?! Завтра мы будем в Танжере, и тогда узнаем, какая обстановка на испанском побережье. Если мои опасения подтвердятся, то рисковать жизнью людей я не стану...

– Возможно, ты прав, – неохотно согласился Фокс.

Лусия разобрала не все из их разговора, но ей хватило, чтобы понять: они не идут в Кадис. Но почему?! Какая-то эпидемия? Закрытый порт? Этого не может быть. Мало ли какие суда ходят с «красными и черными флагами»! При чем тут они?

Она отказывалась принять правду: у капитана были какие-то свои планы, и делиться с ними (даже со старшим помощником) он не желал. Размышляя подобным образом, Лусия не заметила, как луна обогнула часть юта и осветила ее тонкую фигурку. Причудливые тени плясали вокруг нее, совершая некий мистический танец...

Послышались приближающиеся шаги. Лусия не успела спрятаться и, застигнутая врасплох, сделала вид, что просто гуляет по палубе, гордо вскинув голову.

Мимо девушки прошел капитан. Он на минуту остановился, будто что-то вспомнив, обернулся и сухо с ней поздоровался.

– Добрый вечер и спокойной ночи, сеньорита, – только и сказал он.

От его взгляда и холодной интонации кого угодно мог пробить озноб. Почему он так резко поменял к ней отношение?! Ей ответили удаляющиеся быстрые шаги Дэвида.

Следом за капитаном прошел его старший помощник. Фокс хотел ей что-то сказать, но девушка развернулась и пустилась от него наутек. Завтра она узнает все, а сейчас отчего-то ей сделалось нестерпимо больно, обидно, стыдно.

Кадис был для нее заветным, сокровенным местом, а теперь, когда она невольно подслушала разговор капитана с Фоксом, ей еще сильнее, еще отчаянее захотелось в Кадис.

Но, признаться, в глубине души ее задело и другое – поведение Дэвида. Почему он так сух и неучтив с ней? В чем на этот раз ее вина? Она не чувствовала за собой никакой вины,

ни необходимости (за что-то!) просить прощения у капитана, а он... он... Его поведение было оскорбительно, обидно, возмутительно...

И все-таки капитан оказался прав. На испанском побережье свирепствовала лихорадка, и все крупные порты были закрыты. Сколько продлится карантин, никто не знал. Было ясно другое: капитан не поведет фрегат в Кадис. По крайней мере, с его стороны это благоразумно...

Но что делать Лусии в таком случае? Оставаться на «Овидии» она тоже не могла по разным причинам. Сколько же времени ей придется провести в Танжере?! И откуда она возьмет средства, чтобы оплачивать содержание в гостинице? И когда утихнет лихорадка?! Нет... Танжер (или, как его еще называли, Тангис)нисколько ее не привлекал.

После того, как в 1662 году город был передан Чарльзу II Стюарту, все больше английских торговых и военных кораблей устремлялось в этот порт. Одни искали там приключений, другие – работу, третьи – добывали и перекупали соль, и, конечно же, все искали золото. Марокканские пряности тоже сулили прибыль для европейцев.

Танжер к тому времени стал удобным местом дислокации военных сил и отличным наблюдательным пунктом: через него Англия контролировала Испанию и Берберию, а за ними открывался вид на иные европейские дворы и, конечно же, Оттоманскую порту¹⁶. Хороший же подарок получил Карл Стюарт за инфанту Катерину Брагансу¹⁷!

Лусия посмотрела в окно. За бортом плескалась соленая серо-зеленая вода, и мелкие яркие рыбки, играя с солнечными лучами, стайками перемежались в красных и зеленых водорослях.

Вдали открывался вид на африканское побережье. Внимание Лусии привлекли холмы, покрытые редким лесом, и гроты, едва заметные под водой. Слегка сероватый, мерцающий золотой песок ласкали чистые морские воды.

К тому моменту, как «Ὀβίδιος» подошел к гавани, гроты обнажились уже наполовину. Волны разбивались о берег, и вода продолжала отступать. На одном из холмов возвышалась старинная крепость; наполовину уже разрушенная, она представляла печальное зрелище в своем одиноком гордом величии.

В порту, как девушка и предполагала, было оживленно. Местные жители устроили на самом берегу торговые ряды, надеясь привлечь внимание прибывающих. Кроме восточных сладостей там торговали свежей рыбой, хлебом, пряностями, различными сувенирами. Англичане, чтобы продемонстрировать новую военную форму, гуляли по берегу и, смеясь, сваливали товары, громили прилавки. Торговцы, выкрикивая им что-то по-арабски, с завидным упорством восстанавливали торговые ряды.

От созерцания местных окрестностей Лусию отвлек стук в дверь. Это был старший помощник. Он сиял и, как обычно, двумя руками поправлял рыжую гриву, которая упрямо не слушалась хозяина.

– Сеньорита Лусия, я рад приветствовать вас на берегу Танджи. Разрешите, с Вашего благосклоннейшего соизволения, преподнести вам маленький подарок, – важным тоном изрек он и достал из кармана гребень.

Гребень был сделан из перламутра, и девушка с удовольствием приняла его. Из другого кармана Фокс вытащил небольшое зеркало, инкрустированное мелким жемчугом.

– Скажите, ведь это сделали вы?

Фокс смущенно кивнул и пропал...

¹⁶ *Оттоманская порта* (или Великая, или Блистательная Порта). Название с 15 века закрепилось за Османской империей, поскольку на языке турецких чиновников Великая Порта означала резиденцию турецкого султана, а также местопребывание турецкого правительства, и наконец, самой турецкой монархии.

¹⁷ Катерина Браганса, или Екатерина Браганская – португальская принцесса из дома Браганса, дочь короля Жуана Восстановителя, с 1662 года – супруга Карла II Стюарта. Танжер был преподнесен в качестве приданного принцессы.

Через час в дверь снова постучались. И это снова был Фокс, но теперь у него в руках был сверток гораздо весомее.

– Что это?

– Откройте, это должно вам понравиться. Надеюсь, потом мы совершим вместе прогулку?!

Лусия с интересом развернула подарок старшего помощника. Это было шелковое платье бирюзового цвета. Платье у груди схватывалось белой атласной лентой, и, несмотря на то, что такие платья уже давно вышли из моды, девушка с радостью поспешила примерить его...

Во время прогулки Фокс был таким милым! Рассказывал ей анекдоты и забавные истории. Лусия была благодарна ему за подарки и внимание. С ним было так легко! Она даже задавала вопросы ему, в том числе и о нем самом.

– Я родился в Республике¹⁸, в пригороде Харлема, – ответил он. – Мой отец был цветоводом... О, вы, вероятно, слышали о нашей болезненной тяге ко всяким цветочкам, тюльпанчикам, гиацинчикам?!.. Ну, мне эта жизнь представлялась скучной. Какой из меня цветовод?! Я мечтал о другом: о странствиях, о морских приключениях... И вот, само провидение помогло мне попасть на рыбацкое судно. Потом, когда я уже повзрослел, меня взял к себе один судовладелец из Амстердама. Оттуда постоянно шли корабли с товаром в Испанию и на Восток... Мне пришлось много трудиться, прежде чем сколотить себе небольшое состояньице... А амстердамские судовладельцы, одним словом, тузоблюды (простите меня за такое выражение), не хотели платить жалование, и каждый раз мне приходилось пускать в ход кулаки... После чего я должен был снова искать работу... И вот в одном из рейдов я оказался в Сале. Там впервые я познакомился с Дэвидом. Тогда Дэвид набирал людей для похода в Республику. Узнав, что я оттуда родом и кое-что смыслю в мореходстве, он взял меня к себе. Во время первого нашего похода мы подружились, а потом... Дэвид мне брат по крови и духу. Теперь я совершенно не представляю, как можно жить без него и «Овидия». И потом... Вы и сами с глазами... Кстати, мое настоящее имя – Хендрик Диркс. Фоксом меня прозвали после того, как я одурачил пристава... А собственно почему я должен платить по кредитам, которые навесили на меня амстердамские тузоблюды?!

Действительно, жизнь Фокса была похожа на жизнь многих молодых людей того времени. Земледелие уже несколько сотен лет не приносило доход, а разведение цветов, продажа луковиц тюльпанов, как показала история, для многих обернулась катастрофой. Непомерные налоги, ложившиеся на плечи крестьян, заставляли искать новые пути к счастью и безбедной жизни. Навигация – морское дело – манило многих, кто остался без земли, без дома, без каких-либо средств к существованию. Одни нанимались к рыборотговцам и совершали долгие рейды в море, в надежде когда-нибудь изловить столько тайменя и сайды, чтобы хватило на покупку дома и втайне мечтали о встрече с морским ангелом, который, по преданию, приносит счастье. Другие становились пиратами, и это «разбойничье ремесло» приносило куда больший доход, нежели рыбный промысел, торговля цветами или обработка наемной земли. Моряки получали скудное жалованье, но Фокс не мог жаловаться: он пользовался огромным авторитетом, да и капитан, видимо, не обижал его в выручке.

– А капитан...

– Что капитан?

– Правда, что он – испанец? – спросила Лусия и невольно покраснела.

Фокс пожал плечами.

– Испанец с английским именем?! Не думаю. Он уже рассказал вам свою историю, не так ли?

Лусия кивнула.

---

¹⁸ Голландская республика, или республика Соединенных провинций просуществовала с 1588 по 1806 годы.

– Ну, в таком случае, может быть и испанец...

Лусия еще что-то хотела спросить о капитане, но Фокс отбил у нее это желание, сказав:

– Кстати, будьте осторожны с нашим капитаном. Ни одна женщина не может устоять перед его обаянием.

Незаметно они дошли до края пристани, за которой открывались лесистые холмы и те самые гроты, которые видела Лусия из окна каюты.

– Что это там? – спросила девушка.

– А, это гроты Геркулеса. Хотите посмотреть?

Лусия кивнула, но скоро пожалела об этом. Взобраться туда оказалось не таким уж простым делом. Морские волны разбивались о гребни скал и мешали проникновению в грот. Но любопытство Лусии пересилило страх морской пучины.

В гроте было темно и прохладно. Красные сталактиты и геликтиты, их причудливые сплетения напоминали человеческие застывшие фигуры. Сыро, темно и жутко. Девушка поспешно выбралась на свет.

– Почему они называются гротами Геркулеса? – спросила она Фокса, любезно подавшего ей руку.

– О, это местное предание. Говорят, будто здесь отдыхал Геракл перед тем, как совершить один из 12 подвигов. Само название города тоже овеяно легендами. Говорят, Геракл задушил Антея, у которого была жена. Жену Антея звали Тинга, и она очень любила своего мужа. А потом, когда не стало Антея, безутешная вдова оплакивала его до конца дней своих. И там, где плакала Тинга, появлялись цветы удивительной красоты... С тех пор место это получило название «Тингис», или «Тангис» – город безутешной вдовы, оплакивающей своего Антея.

– Красивая легенда, – вздохнула Лусия, и на мгновение прикрыла глаза.

На фоне дикой природы, в шелковом платье она была особенно, ослепительно хороша. Легкий бриз играл с ее распущенными волосами, платьем, открывая безупречно стройные ноги и округлые, цвета розового жемчуга щиколотки.

– А вы могли бы как эта Тинга полюбить кого-то? – вдруг спросил старший помощник. Красные пятна выступили на его загоревшем, иссушенном ветрами лице.

Подобный вопрос застал Лусию врасплох.

– Может быть, – пробормотала она и заметно прибавила шаг в направлении к пристани.

Весь обратный путь Фокс рассказывал ей местные легенды, но гулять с ним Лусии хотелось. «Какой-то он странный», – подумала девушка и решила, что больше с ним гулять не будет никогда.

Подходя к пристани, Фокс стал неожиданно серьезным и все чаще, искоса, поглядывал на Лусию, единственной мыслью которой было скорее остаться одной. Они отсутствовали на судне не более двух часов, а Лусии казалось, что прошла вечность. В конце концов она так прибавила шаг, что, поднимаясь по трапу на корабль, оступилась.

Внезапная острая боль сковала все ее движения. Фокс тут же подхватил ее на руки.

– Что с вами? – спросил он, и невольно на его лице отразилась гримаса скорби.

– Сама не знаю.

– Можете идти?

Лусия попыталась сделать несколько шагов, но не смогла. Острая боль словно парализовала ее. Уж точно, «Сто одно несчастье». Именно так кормилица Каталина называла Лусию, когда та в очередной раз возвращалась домой то с ссадиной, то с ушибом. И вот опять – это несчастье. Да еще капитан расхаживает по палубе. Это он во всем виноват! Вот ведь как смотрит!

Капитан смотрел на нее тем колючим, едким взглядом, что она могла не только оступиться, но и шею себе сломать.

– Давайте я помогу вам, – предложил Фокс.

Девушка кивнула. Старший помощник снова подхватил ее на руки и понес к каюте. От него пахло табаком, потом и свежей выпотрошенной рыбой.

– Отпустите, – произнесла, точнее, пропищала Лусия и еле-еле доковыляла до постели.

– Я позову капитана.

– Нет! – жалобно простонала девушка. – Не надо капитана.

Еще этого не хватало! Чтобы Дэвид Мирр над ней насмеялся?! Она не сомневалась, что он будет злорадствовать.

– И все-таки я позову капитана. Пусть он осмотрит вашу ногу. Вдруг что-нибудь серьезное, – сказал Фокс уходя.

Глава 6

Лусия не хотела видеть капитана совершенно по другой причине, о которой читатель, наверное, уже догадался. Она старалась не думать о Дэвиде Мирре, но случайно (случайно ли?!) оброненная старшим помощником фраза во время прогулки еще больше распалила ее воображение. «Да кто он вообще такой? Что он себе позволяет? И ведь позволяет... Ненавижу его, нет, ненавижу себя за это... Я ведь должна остерегаться его...». Усилившаяся резкая боль в ноге заставила девушку смириться с появлением капитана...

Дэвид вошел в каюту внезапно, хотя, разумеется, Лусия ждала его. В его походке и устремленном на нее взгляде читался скрытый вызов.

– Позвольте, я осмотрю вас, – сказал он.

– Нет! – воскликнула Лусия и спряталась от него за балдахином.

– Почему вы так ведете себя? Я чем-то обидел вас?

– Нет... да...

– Конечно, я был не прав. Мне не надо было давать вам в тот день водки. Признаю свою ошибку. Вы простите меня?

– Уйдите. Я сама прекрасно справлюсь, – предательская дрожь в голосе выдала ее окончательно.

– Вы боитесь меня?! – наконец догадался Дэвид.

От его внимательного солнечного взгляда не ускользнуло и то, как девушка нервно сжимала край простыни. Она же старалась не смотреть ему в глаза, опасаясь, что он прочтет в них гораздо больше.

– Нет, я не боюсь вас. Это... это не так... Вы мне просто неприятны, – сказала Лусия, и от собственной лжи зарделась.

– Конечно, мой старший помощник куда приятнее, – съязвил он. – Но не забывайте, для чего я здесь... Как судовой врач я должен осмотреть вас.

С этими словами он присел на край кровати и, несмотря на ее слабые протесты, стал изучать характер боли. В первые минуты девушке показалось, что у него дрожали руки, когда он, приподняв подол платья, дотронулся до ее ноги. Но, возможно, это ее навязчивые идеи. Тем временем принесенным маслом он уже растирал опухшую нежную стопу и лодыжку цвета морской раковины.

– Я хотела спросить вас о том вечере...

– Вам нечего опасаться.

– Но я ничего не помню! После того, как вы...

– Странно, я никак не ожидал от вас такого поведения. Признаться, я думал о вас иначе...

– Вот как? Неужели вы полагали, что я буду слезно молить вас о прощении?

– Я полагал, что вы не должны вести себя так с мужчинами...

– На что вы намекаете?

– Я не намекаю, а говорю прямо... Все видели вас с моим старшим помощником...

– Это ничего не значит... В Алькасаре я общалась со многими сеньорами, и никто не смел обидеть меня... А вы... вы постоянно...

– Значит, я не достоин вашего прощения, – с грустной усмешкой сказал он. – Хотя, с другой стороны, вы могли бы хоть чуточку быть мне признательны... Скажите, неужели я действительно так неприятен вам?!

Лусия молчала. Как она могла сказать ему то, в чем самой себе было стыдно признаться?!

От его прикосновений ее бросило в жар, будто она снова проглотила это злосчастное «раки». И чем больше у нее загорался огонь внутри, тем меньше она ощущала боль в лодыжке. И эта попытка продолжалась до тех пор, пока его руки гладили, бережно держали ее ногу.

– Я оставлю вам флакон с розовым маслом, – наконец сказал он, поднимаясь. – На ночь вы снова разотрете воспаленное место... К утру отек пройдет, обещаю.

Капитан направился к двери, но тут, видимо, вспомнил что-то.

– Я должен говорить с вами, сеньорита Лусия. Вы понимаете, что дольше на моем корабле оставаться вам невозможно... Невозможно по разным причинам... Но у вас есть выбор: либо дожидаться, когда вы получите разрешение на въезд в Испанию, иными словами, ждать придется месяца два-три, или пересесть на любое судно, которое доставит вас к вашему жениху, к лорду Готорну, если не ошибаюсь.

Слова капитана вывели ее из того полублаженного состояния, в котором она пребывала после его рук, совершивших поистине чудо. Лусия уже почти не чувствовала боли.

– Сэр Роберт Льюис Готорн, – произнесла она едва слышно. Девушка почти забыла, какова была цель их путешествия с отцом.

– В любом случае я ничем больше не могу помочь. Конечно, на первое время я оставлю вам тысяч... думаю, тысяч пять вполне будет достаточно. Через два дня «Οβίδιος» покинет Тангис, и вам все равно придется сойти на берег. Во втором случае, – продолжил капитан, не обращая внимания на возражения и знаки протеста, которые выказывала Лусия, – во втором случае, я обещаю, что лично позабочусь о вашем благополучном препровождении на другой корабль... «Порт-Рояль»... Вы могли видеть это судно, когда совершали прогулку в гротах с моим помощником... Через несколько дней «Порт-Рояль» уйдет в Дорчестер. Я уже предварительно переговорил со шкипером и, думаю, капитан не откажется принять на борт своего корабля столь милую, очаровательную особу.

В завершение всего Лусии показалось, что Дэвид Мирр злорадно усмехнулся. «Он издевается надо мной», – думала она, пытаясь угадать его мысли. – «Но почему и за что он так обращается со мной?».

Женщине не место на корабле, так все говорят, и она знала, что ей рано или поздно придется покинуть «Овидий», но тут ее задело другое – словно собачку, ее вышвыривали за борт и не кто-нибудь, а сам Дэвид Мирр...

– Так значит, вы уже все решили, капитан? – спросила Лусия с вызовом. – Позвольте и мне кое-что сказать вам. Во-первых, я не нуждаюсь в вашей опеке. Я сама в состоянии позаботиться о себе. А, во-вторых, вы не имеете права думать обо мне так... как... в общем, что вы думаете... Я не позволю вам... И в-третьих...

– Отдыхайте, приятных вам снов, – с улыбкой сказал Дэвид. Его невозмутимость больше всего раздражала Лусию.

– Вы относитесь ко мне, как несмышленной девочке!

– Лусия, вы уже давно перестали быть девочкой. Думаю, сэру Роберту Льюису нужна почтенная матрона, леди, по-вашему, и вам придется волей-неволей научиться разговаривать с людьми.

С этими словами он учтиво откланялся и закрыл дверь.

Лусия Вернадес была вся красная от возмущения, оттого, что кто-то так ловко проучил ее! Да еще оскорбил тем, что позволил себе думать бог знает что! И сравнил с «почтенной матроной»! Сначала она едва сдержалась, чтобы не бежать вслед за ним... Есть ли в этом смысл? То, что говорил он здесь, в каюте, никто не слышал, а там, на палубе, она только станет для всех посмешищем.

Так она сначала возмутилась, а потом, хорошенько подумав, впала в состояние дичайшего раздражения: этот человек всегда прав... во всем. Даже сейчас он был так учтив, попросил у нее прощения, предлагает разумные решения. Он...

Девушка посмотрела на флакончик розового масла, стоявший на самом краю стола. От масла исходил сильный, чарующий аромат... Дэвид Мирр... Мирр... Лусия взяла флакон в руки и почувствовала снова сильное головокружение.

Она закрыла глаза, вспоминая утреннюю прогулку, вспоминая разговор с Фоксом... Смогла бы она полюбить кого-то также сильно, как Тинга? «Да», – сказала она едва слышно. «Да, если бы это был кто-то, как мой дед и отец... Как он... Дэвид... кто-то, как он... с такими же руками, глазами, улыбкой, голосом. Кто еще так учтив и благороден, как он?!»

Лусия вспомнила всех мужчин, которых когда-либо видела в своей жизни и не нашла ни одного, кто хотя бы чуточку напомнил ей Дэвида. Разве что, совсем немножко... Нет. Даже ее прадед показался не таким уж могущественным и красивым. Портрет Гонсало Кордобы, висевший в их гостиной в Севилье, был только слабым напоминанием о прошлом величии их рода. Нет... «Нельзя быть таким... таким невыносимым!» – наконец воскликнула она, вспыхнула и – погасла. Разве приемный сын марокканского султана, мусульманин, может стать ее мужем?!

Лусия решила, что попросит прощения у капитана и завтра же покинет корабль. Роберт Льюис ждет невесту и было бы крайне неразумно не ответить на его чувства. К тому же... Предсказание Франчески должно сбыться наконец!..

* * *

На следующее утро Лусия встала, совершенно не чувствуя боли в ступне и лодыжке. Отек спал, но остался едва уловимый запах розового масла. И во всем теле была странная, непривычная легкость.

Было еще раннее утро, и тени блуждали по стенам каюты.

Лусия подошла к окну. Гроты Геркулеса скрывал молочный туман. Небо было скучно-сизым, а в водах отражалось волнение стихии...

«Ко всему прочему дождя не хватало», – тихо сказала Лусия, и на душе сразу стало тоскливо...

Она вышла на палубу. Было как-то непривычно, безлюдно-тихо на корабле. «Где все?» – подумала она, стараясь уловить хоть какие-то признаки жизни. Но никого не было или почти никого.

– Доброе утро, сеньорита, – услышала она, словно литое серебро, знакомый голос.

В двух шагах от нее стоял Дэвид Мирр. Серые воды океана отражались в его глазах. Спал ли он? Он был одет в бархатный жакет темно-синего цвета и белую шелковую рубашку; такого же цвета, что и жакет, были штаны. Черные, натертые до блеска сапоги, доходившие до середины колена, – такие были уже не в моде, – отметила про себя Лусия.

– Вы сегодня рано проснулись.

– Довольно прохладно, вам так не кажется? – сказала девушка, ежась от сырой погоды.

– Может быть... Я договорился со шкипером «Порт-Рояля». Капитана зовут Уильям Харрисон. Он с удовольствием примет вас на борт. Уже через день они выйдут в море, – сказал Дэвид, снимая и накидывая ей на плечи жакет. – Я дам вам все необходимое, чтобы во время пути вы ни в чем не нуждались.

Лусия ничего не ответила. Она вдыхала запах бархата, смолисто-сладковатый, густой, с глубокими нотками дыма, *его* запах, и наслаждалась тем теплом, которое исходило от *его* вещей.

– Странное сизое утро, не правда ли? – спросил он. – Но мы за всё должны благодарить Бога.

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ
وَالضَّحٰی
وَاللَّیْلِ اِذَا سَجٰی
مَا وَدَّعَبُّكَ رَبُّكَ وَمَا قَلٰی
وَلَلْآخِرَةُ خَيْرٌ لَّكَ مِنَ الْاُولٰی

وَلَسَوْفَ يُعْطِيكَ رَبُّكَ فَتَرْضَى
أَلَمْ يَجِدْكَ يَتِيمًا فَآوَى
وَوَجَدَكَ ضَالًّا فَهَدَى
وَوَجَدَكَ عَائِلًا فَأَغْنَى
فَأَمَّا الْإِلَهِيُّ فَأَلَّا تَقْدِرُ
وَأَمَّا الْإِسْنَائِلُ فَأَلَّا تَنْهَرُ
وَأَمَّا بِنِعْمَةِ رَبِّكَ فَحَدِّثْ¹⁹

Поскольку Дэвид читал стихи на арабском, то девушка ничего не поняла. Но слушала внимательно. Ее всегда поражала мелодичность арабской речи. Она слушала тембр, звук, голос и, несмотря на то, что не знала языка Корана, медленно какое-то упоительное блаженство и благодать стали наполнять всё ее маленькое женское существо.

– Что это? – спросила она.

– Что?

– То, что вы сейчас читали.

– Ад-Духа.

– Что?

– Это Коран, мое дитя.

Лусия немного поморщилась. Собственное незнание было неприятно, тем более, она была почти уверена, что это стихи о любви. Арабы, она знала это, были искусны в создании любовной поэзии. А он снова назвал ее ребенком!

– Где все?

– На берегу. Морякам не часто приходится бывать на суше, и они при любой возможности бегут с корабля.

– А вы?

– Кто-то должен смотреть за судном.

Какое-то время они стояли молча.

– Простите меня. Я была не слишком хорошей и послушной гостьей... И мне бы хотелось поговорить с вами.

– Да, я слушаю.

Как будто два совершенно разных человека боролись в ней. Ее пугало и в то же время влекло все, что было связано с именем Дэвида Мирра. Она должна была как-то отблагодарить его...

– Нет, не здесь, в вашей каюте, – сказала Лусия, увидев, что моряки возвращаются на «Οβίδιος»...

Когда дверь каюты захлопнулась, Лусия на какое-то мгновение осталась в полумраке. Капитан поспешно раскрыл окна.

– Я знаю, что не увижу вас больше...

Нервный ком в горле помешал Лусии сказать то, что уже жило в ее сердце и готово было вот-вот сорваться с языка.

– А мне кажется, я почти уверен, что увижу вас снова. Например, завтра...

¹⁹ (араб.) Стихи из Корана: В знак ореола утреннего света, В знак все темнеющего крова ночи, — Тебя Господь твой не оставил, Тебя не разлюбил Владыка твой. И знай, что каждый будущий момент Счастливей для тебя, чем предыдущий... (Сура 93) Есть поэтический перевод этой суры: И утренним светом, и сумраком ночи клянусь Напрасно ты думал, что Я от тебя отвернусь! Господь не покинул тебя, возродил для добра, И это прекрасней того, что имел ты вчера. Придет от Создателя все, чтобы счастлив ты был. Не Он ли тебя, увидав сиротой, приютил? Блуждал ты, а выведен Богом на праведный путь! И сделан богатым, и можешь от бед отдохнуть! Так будь же душою высок, сироту приюти. В просящую руку спасительный хлеб опусти. Прозревший от света и силы Господней любви, Сказанье о милостях Господа всем объяви.

– Вы еще смеетесь?! Я рада, что хоть изредка вы умеете смеяться... А мне почему-то не смешно.

Потом, помолчав, она глубоко вздохнула и продолжила:

– Я не хочу, чтобы вы думали обо мне плохо. Я знаю, что только мешала вам все время. Простите за это... И большое спасибо за все, что вы сделали для меня... Я знаю, что, если бы не ваше прямое участие, я, наверное, нет, точно никогда бы не выбралась из этой чудовищной страны! Эти жуткие лица, эти бесчеловечные нравы... Простите, что говорю так... Я все время забываю, ведь вы тоже из Марокко... Но то, что случилось со мной и с моим отцом... Я даже не знаю, жив ли он... Может быть, он здесь, и я даже не знаю об этом...

– Здесь?!

– Да, здесь. Мне так хочется в это верить! Мы так близко от Испании... и в совершеннейшей недосыгаемости до нее... Увы, судьба часто преподносит нам уроки... Ведь если бы не эта проклятая лихорадка, вы бы доставили меня в Кадис, как и обещали. Не правда ли?

– Конечно... А что еще вы знаете?

– Я знаю, что вы – хороший человек, сэр Дэвид. Ведь если бы на вашем месте был кто-то другой, он сделал бы все возможное, чтобы я никогда не оказалась в Англии... Поверьте, я тоже кое-что знаю о жизни, слышала о ней... В лучшем случае меня сделали бы пленницей и держали бы до тех пор, пока мой дядя или кто-то еще не заплатил выкуп. И потом... у меня, к сожалению, в данный момент нет ничего, что могло бы... чем бы я могла отблагодарить вас за вашу доброту, заботу, внимание, но если бы я могла...

– Нет, мне не нужно от вас ничего, я говорил, – поспешно заверил ее капитан.

– И все же выслушайте меня, сэр Дэвид! Я знаю, что вы потратили много денег, времени и сил... А я не могу быть такой неблагодарной... Меня всегда учили ценить людей... Поверьте, если бы я была дома, я могла бы... могла... Как же мне поступить?.. Так сколько вы отдали за меня Саиду? Сто тысяч?!

– Вы действительно полагаете, что все измеряется деньгами?!

Но Лусия словно не слышала его.

– Позвольте мне взять бумагу и перо?

Капитан кивнул. Лусия подошла к столу и что-то быстро-быстро, круглым, красивым почерком стала писать.

– Если у вас появится когда-нибудь такая возможность, если вы будете в Испании, в Севилье когда-нибудь... Это письмо передайте моей кормилице Каталине. Она прочтет и сразу все поймет. Там я написала обо всем, и она скажет управляющему, и тот выдаст сумму, которую вы скажите... Но если вдруг я окажусь дома, если вдруг мое письмо вернется ко мне...

Голос Лусии заметно дрожал. Капитан стоял сзади, и она не видела, какими глазами он смотрел на нее. От его холодного взгляда не осталось и следа. Он накрыл ладонью ее маленькую, как у ребенка, руку. Лусия вздрогнула и затихла... Ее холодные пальцы какое-то время счастливо покоились под его большой горячей ладонью.

– Мне ничего от вас не нужно, – сказал он. – Но, возможно, если я когда-нибудь буду в Севилье, я непременно навещу вас. И знайте, это будет совсем по другой причине.

И он быстро и молча отошел к окну.

– Помните, – проговорила она, нарушая молчание, – Вы говорили, что похожи на одного из героев Овидия. Как его звали?

– Пигмалион.

– Пожалуйста, расскажите мне о нем.

– Зачем?

– Расскажите, прошу вас. Исполните мою просьбу на прощанье.

– Хм... Вы просите так, будто вас осудили... Ну хорошо, раз вы просите, то пусть будет по-вашему... Я говорил тогда о Пигмалионе. Он был талантливым художником и ваятелем с

Крита. Οβίδιος описал его историю... историю жизни. Пигмалион жил уединенно на своем острове и избегал общения с женщинами.

– Почему?

– Просто он разочаровался в них... Но вот однажды Пигмалион вылепил статую девушки, статую столь прекрасную, что красота Афродиты меркла перед ней. И он влюбился не в живую женщину, а в свое творение... Эта статуя была тем совершенством, о котором можно сказать *Materiam superabat opus*²⁰, или *Matre pulchra filia pulchrior*²¹. В сравнении с живой Афродитой, которая безответно любила Пигмалиона и была ему почти что жена... Единственный изъян был у статуи. У творения Пигмалиона не было сердца, и она не могла ответить ему взаимностью. А он долго дарил ей украшения и целовал ее ноги.

– И что же потом? Неужели боги не дали ей сердца?!

– Нет. В жизни все по-другому. Боги не слышат людей, и статуя остается глухой, слепой и немой.

– А что же дальше было с Пигмалионом?

– Он умер бы от печали, если бы...

– Что? Если бы что?

– Если бы не море.

– Господи, какая печальная история! Но я все равно не понимаю, причем тут вы? – искренне удивилась девушка. – Неужели вы тоже когда-то любили статую?! На кого она была похожа?

– Однако вам пора собираться, – сказал Дэвид, выпрямляясь. – Вам еще нужно уложить вещи и – в путь.

– Я обещаю, что не забуду вас и не забуду того, что вы сделали для меня! – неожиданно воскликнула она.

– Сеньорита Лусия, не надо ничего обещать... Вы еще слишком молоды и стремительно даете обещания... Вы не знаете, что может с вами случиться, – голос капитана звучал громко и немного раздраженно. – И если все же вы когда-нибудь вспомните меня добрым словом... Хм... Доброе слово... Вот и вся моя награда... Наверное, достаточно...

Резкость и холодность его слов были совершенно противоположны его взгляду. В его ясных голубых глазах читалась грусть и глубокая нежность, но Лусия была слишком взволнована, растеряна, подавлена, чтобы понять, что это значит...

В дверях она столкнулась со старшим помощником.

– О, вы заняты, капитан? – спросил Фокс многозначительно, переводя взгляд с Лусии на капитана.

– Нет. Сеньорита Лусия Вернадес де Сааведра пришла попрощаться, – сухо ответил Дэвид. – Можете и вы сказать ей «до свидания».

Фокс выглядел несколько обескуражено.

– Что ж, прекрасная сеньорита, надеюсь, вы будете счастливы, – сказал старший помощник, почесывая затылок.

– Сеньорита Лусия Вернадес де Сааведра, правнучка Великого Командора, непременно будет счастлива... Мы искренне желаем вам счастья, сеньорита Вернадес.

Лусии стало в очередной раз грустно, больно, обидно...

И пока девушка предавалась печали и жалости, капитан рассматривал статую, которую однажды подарило ему море... Статуя удивительным образом напоминала ему ту, которая теперь истерично металась по каюте...

---

²⁰ Исполнение выше материала (*лат.*).

²¹ Дочь, более прекрасная, чем прекрасная мать (*лат.*).

Немного успокоившись, Лусия нашла в себе силы, чтобы помолиться и вознести слова благодарности к Богу и Деве Марии...

Спустя какое-то время, когда со сборами было покончено, Лусия снова разыскала капитана на шканцах.

– Вы что-то забыли? – отрешенно спросил Дэвид.

– Нет... да...

– ?

– Просто я не знаю, как сказать... Это все, что у меня есть. Это самое дорогое, что может быть у человека. И это я дарю вам в знак памяти, в знак нашей дружбы, – и Лусия достала родовое распятие. – Возьмите этот крест, сэр Дэвид. Это крест из ливанского кедра. Давным-давно в одном из походов мой прапрапрадед завоевал Константинополь...

– Я не могу принять такой дар.

– Нет, я хочу, возьмите. Пусть распятие хоть немного напоминает обо мне.

Тогда похолодевшие пальцы Дэвида Мирра приняли подарок девушки...

Капитан держал в руках распятие даже после того, как Лусия покинула корабль, и по-прежнему смотрел на туманное солнце.

– И это всё?! Всё?! Все-таки я не понимаю, – говорил возмущенно старший помощник, провожая глазами статную фигурку девушки. – Зачем вы это сделали, капитан? Зачем вы отпустили ее?!

– Ты не понимаешь... Нет, ты все прекрасно знаешь и понимаешь.

– О, да! Знаю, да, но не могу понять, черт возьми! Я бы никогда не сделал этого!

– Ты – это не я.

– Конечно же, кошку в пятки! Чтобы Дэвид Мирр не смог влюбить в себя какую-то девчонку! Так я и поверил...

– Тут другое.

– Неужели Овидий не понравился ей?!

– Она предпочитает Сенеку.

– Да женщины готовы, что угодно читать, если умеют читать!.. Тьфу ты!.. Идеальный ты все-таки человек, сэнт Дэвид!..

Капитан нахмурил брови.

– Тут другое, и довольно об этом... Лучше займись делом, квартирмейстер.

Но старший помощник, разгорячившись, никак не мог успокоиться.

– Ладно, хорошо, да, согласен... Таких не бывает, и ты ей не пара... Мать твою карака-тица! Ты же мог сказать ей правду! Хотя бы правду! Просквози меня гарпун... Почему ты не сказал, что она обязана тебе жизнью?! Эти уроды искалечили ее, а ты... Ты воскресил ее, ты, Дэвид! Да она бы погибла без тебя!.. Да ты буквально достал ее со дна!.. Да ты... Эх, ты, сэнт Дэвид!..

Глава 7

Лусия сидела в огромной библиотеке дома Готорнов в Йоркшире. Она была в состоянии глубокой задумчивости и тихо листала новую книгу, которую дал ей сэр Роберт Льюис Готорн, граф Гертфордский. Состояние глубокой задумчивости было постоянной ее спутницей в течение всего последнего месяца. Она рассеянно листала страницы из книги Джона Локка и одновременно поглядывала в окно. Она видела бескрайние зеленые луга и леса графского поместья.

О чем же ей было мечтать?! К величайшему удивлению, Готорны оказались настолько великодушны, что не просто предоставили кров, поверили в то, что она, действительно, дочь дон Франсиско; поверили в то, что она, попав в руки салийских пиратов, чудесным образом спаслась и выбралась живой из Берберии. Какие у нее были доказательства своего происхождения, тех событий, в которые трудно было поверить? У нее не было ничего, кроме ее слов и бесконечных рассказов об обожаемом отце...

Но все же Готорны поверили ей. Готорны были очень щепетильны, как и все англичане, но безупречные манеры девушки, знание языков, ясный ум – вот были те доказательства, которые гораздо красноречивее сказали то, нежели не вполне удачный портрет Лусии. На портрете она выглядела еще совсем ребенком, с задранной носом и большущими, удивленно смотрящими на мир глазами. Этот портрет, висевший в библиотеке Готорнов, был выполнен два года назад, когда Лусии только исполнилось пятнадцать лет. Дон Франсиско хотел, чтобы сын его друга полюбил Лусию еще до того, как произойдет их встреча.

На портрете Лусия была похожа на отца, но в действительности только отдаленно можно было уловить черты их внешнего сходства. Мать же Лусии – Мария Поэльо – слыла в Испании необыкновенной красавицей и оказывала столь сильное влияние на окружающих, что, не обладая особым умом, сумела влюбить в себя самого короля!

Но это было давно, и не прошло и двух лет с момента ее смерти, как о Марии Поэльо все забыли. А ведь Лусия была так похожа на нее! Вот почему дон Франсиско был уверен, что сэр Роберт, увидев портрет Лусии, обязательно влюбится в нее. В отличие от матери, знавшей себе цену, Лусия, казалось, не была уверена в том обаянии, какое могло бы заставить лучшего жениха Англии – сэра Роберта – отказаться от многих удовольствий света ради нее.

Роберт Льюис был другим, чем представляла себе Лусия. Он оказался гением рассудочности. На любое ее суждение он обычно отвечал так: «Это глупо», «Это чушь», «Это лишено здравого смысла». Его интересовала философия, а любимыми его изречениями были: «Истина – дочь Времени, а не Авторитета», «человек – это машина, состоящая из костей и мяса», «сердце человеческое – пружина, нервы – нити, суставы – колеса» и многие другие фразы и выражения, значения которых Лусия не понимала.

Естественно, после подобных разговоров на девушку находила глубокая задумчивость. Он, ее жених, твердит о разуме, о том, что любовь – реакция каких-то биологических ритмов; о том, что люди – это животные, которые действуют ради любви к себе, а не к другим; о том, что только государство и общественные законы делают человека человеком и направляют действия людей к общественному благу...

В состоянии глубокой задумчивости ее ввергало и непонятное к ней отношение Роберта. За те два месяца, что она провела в доме Готорнов, он ни разу не обнял ее, не поцеловал, и в его глазах она не читала того, что могло бы хотя бы отдаленно напоминать любовь или хотя бы того, что было в глазах других мужчин, какие когда-либо знали ее. За несколько месяцев, проведенных в доме Готорнов, она встречалась с Робертом всего лишь несколько раз, и каждый раз, после общения с ним, ощущала себя «круглой душой».

Лусия тяжело вздохнула. Вот и сейчас сэр Роберт Льюис спешил в Лондон, и, по обыкновению чмокнув ее в лоб, вручил книгу Джона Локка. Его сегодня ждут в Вестминстерском

дворце, и к вечеру он не вернется. А завтра у них заседание в Палате, и сколько оно продлится, неизвестно. Поэтому самое раннее, когда он вернется, – это в субботу вечером.

Лусия попыталась мысленно представить себе Роберта Льюиса в церкви. Надо признать, Роберт был очень красив: серые глаза, брови вразлет, широкие скулы, прямой нос, узкие губы. Однако, когда он улыбался или, во всяком случае, делал вид, что улыбается, улыбался только его рот с безупречно ровными белыми зубами, а глаза при этом оставались совершенно холодными. И ее еще уверяли, что лучшего жениха ей не сыскать во всей Англии! И многие красавицы готовы душу свою продать, только лишь бы заполучить Роберта Готорна! Да, Лусии очень повезло, что он выбрал именно ее.

После подобных разговоров Лусия чувствовала себя еще хуже. Правильно ли она поступает? Достояна ли она его? Нужна ли ему жена – «круглая дура», да к тому же испанка? И как не впасть ото всего этого в состояние глубокой задумчивости?!

Она пыталась прочесть Джона Локка, честно пыталась, но ничего не поняла. А Роберт будет ее спрашивать, понравилась ли книга, что особенно запомнилось и т. п.

Ей было очень тяжело. До их помолвки оставались считанные дни, а он не особенно жалуется ее вниманием и, может быть, хорошо, что не жалуется. Будет ли Роберт внимательным, заботливым мужем?! Вряд ли. У Лусии была великолепно развита интуиция. Внутреннее чутье подсказывало ей, что сэр Роберт Льюис Готорн не изменится никогда. Любит ли он ее? О любви он не говорил ничего, предпочитая ограничиваться выражениями поощрения или выказывая расположение обращениями «дорогая», «милая», «несравненная». Если он не любит ее, то почему сам так спешно назначил день помолвки?!

Надо признать, что Роберт Льюис Готорн во всем искал для себя выгоду. Даже в том, что он выбрал Лусию, тоже был расчет: невеста из Испании – немаловажный козырь в его политической игре; Лусия помогла ему привлечь к своей персоне больше внимания и отчасти служила гарантом для его переизбрания в Парламенте.

Да, Роберт – завидный жених, красивый, состоятельный, умный, но в нем не было той теплоты, которую Лусия отчаянно пыталась в нем отыскать. И оттого ей было очень грустно.

Как-то, рассматривая библиотеку Готорнов, она натолкнулась на сочинения античных мыслителей. Аристотель, Платон, Пифагор, Гораций, Геродот, Цицерон... И тут Лусия вспомнила Овидия, вспомнила Дэвида. Признаться, где-то очень глубоко, втайне она вспоминала Дэвида и невольно сравнивала его с Робертом... Боже мой, как он смотрел на нее! Если бы Роберт хоть немножко так смотрел на нее!.. Дэвид Мирр любил сочинения Овидия. В его библиотеке было много античных авторов... Лусия снова просмотрела золотые и серебряные корешки книг. Вергилий, Плутарх, Софокл, Ориген... Овидия не было.

И все-таки ее воображение нарисовало образ Пигмалиона. «Где он сейчас? Что же потом было с ним?» – думала Лусия и решила спросить об этом Роберта Льюиса. Увы, она совершила непростительную ошибку.

Сначала Роберт даже не понял, о чем его спрашивают, а потом, удивленно приподняв бровь, как это он обычно делал в случае, если, по его мнению, девушка говорила ерунду, воскликнул:

– Бог ты мой, что же вас интересует?!

В его восклицании столько было упрека, недоразумения, неприятия, будто бы Лусия спрашивала о чем-то неприличном. Девушка покраснела.

– Если вы хотите знать мое мнение, – продолжил Роберт Льюис, – то я не вижу ничего привлекательного в том, чтобы влюбиться в собственное творение и страдать из-за этого. Такая пошлость! И что вообще это за сюжет?! Боги оживляют Галатею и отдают ее на растерзание этому животному... Между прочим, Томас Гоббс любит повторять, что люди от природы подвержены «животным страстям», так это в большей степени относится к Овидию и его героям... К тому же, это дикое прошлое...

«Почему же Дэвид рассказал ей не так историю Пигмалиона?! Или есть другая какая-то история, которую не знает даже Роберт? Дэвид говорил, что во многом похож на Пигмалиона. Так в чем же именно? В тех самых «животных страстях» или в чем-то еще?» – думала Лусия, но, вспомнив глаза и руки Дэвида, еще больше покраснела.

Роберт Льюис расценил ее молчание по-своему.

– Дорогая Лусия, вы очень впечатлительны и еще слишком слабы после того, что с вами случилось. Вам надо больше отдыхать, – сказал он. – Пойдемте, вам больше надо бывать на свежем воздухе, иначе вы превратитесь в тень самой себя. Мне же хотелось бы, чтобы ко дню нашей помолвки вы хорошо выглядели...

Лусия снова попыталась прочесть хотя бы несколько строк из Джона Локка, но тут ее внимание привлек всадник на лошади, белой, с черными яблоками. Это был сэр Эдвард – отец Роберта Льюиса. Как только Господь устраивает, что у родителей рождаются дети с совершенно иными представлениями о жизни, с совершенно иным характером, пристрастиями, увлечениями?!

Сэр Эдвард очень напоминал Лусии ее отца. Такое же жизнелюбие, которым светились его серые глаза, такая же душевная теплота. Несмотря на возраст (сэру Эдварду Готорну было за семьдесят), он выглядел довольно молодо и в свободное время любил ездить верхом, занимался фехтованием и с удовольствием обучал Лусию тому, что, как казалось девушке, умел в совершенстве.

С сэром Эдвардом она была гораздо чаще, чем с Робертом. Благодаря сэру Эдварду, она могла расслабиться, стать просто «девочкой», «дочкой», и забыть обо всем. Она от души смеялась, когда сэр Эдвард рассказывал ей анекдоты, хотя, конечно же, английский юмор – довольно тонкая вещь и все же... Она с удовольствием занималась верховой ездой и получала уроки фехтования. Лусия оказалась способной ученицей и за считанные недели научилась не просто держать шпагу, но даже несколько раз оставляла сэра Эдварда без оружия. Хотя, возможно, он и поддавался ей.

Теперь сэр Эдвард дружелюбно приветствовал ее своей фетровой шляпой темно-синего цвета. Лусия, оставив Джона Локка до приезда Роберта Льюиса, побежала в холл – встречать будущего свекра...

* * *

Всё было хорошо или, во всяком случае, довольно мило до недавнего времени. Внезапно спокойствие дома Готорнов было нарушено. Стали происходить очень странные вещи.

Суеверные слуги шептались о каком-то зловещем роке, тяготеющем над домом Готорнов вот уже добрую сотню лет. А экономка, симпатичная миссис Хатсон, говорила даже, что над домом висит проклятие: около ста лет тому назад в этом доме было совершено убийство, и теперь злой дух бродит по дому, желая возместить чужой кровью призрачное существование.

Слуги присовокупляли к словам экономки обилие всяких немислимых подробностей: будто бы это злой дух – прадед Роберта Льюиса, который не успокоится до тех пор, пока не истребит всех обитателей дома. Лусия слышала, что рассказывали об этом. У прадеда Роберта Льюиса – графа Хилари²² Готорна (вот уж поистине насмешка судьбы!) – был скверный характер. Его боялись все: крестьяне, слуги, домочадцы. Его не устраивала погода (когда было солнечно, он желал, чтобы шел дождь, когда был пасмурный день, его раздражало ненастье), смех в доме, слезы, разговоры, игры детей... Все было не так, как хотел он... В итоге от него ушла жена, забрав с собой детей и оставив ему семейные драгоценности, которыми он так гордился...

---

²² Хилари – мужское имя, означающее «радостный», «веселый» (англ.).

Хилари Готорн остался в одиночестве; лысея, страдая от подагры, но так и не простив жену, не усмирив свой жуткий нрав. Он много раз переделывал, переписывал завещание, а на смертном одре поклялся, что ни одна женщина не станет больше хозяйкой замка... Так и случилось. Ни дед, ни отец Роберта Льюиса не были счастливы в семейной жизни. Их жены рано покинули белый свет, оставив детей на воспитание кормилицам и нянькам. И вот Роберт Льюис, которому было уже далеко за сорок, решил связать себя семейными узами... Разве теперь мог допустить дух Хилари Готорна появление молодой хозяйки в замке?!

То слугам чудилось, что кто-то бьет посуду на кухне, когда все спят, то слышался им невнятный, приглушенный вой, а конюх, между прочим, видел, как кто-то крался в конюшню и перепугал лошадей. То им чудилось, будто кто-то бродит по дому и скрипит воротами, машет ставнями, а потом падает с высоты в пропасть.

Всё было куда более странно, учитывая, что слуги говорили одно и то же или почти одно и то же. И это не могло быть простым совпадением, тем более, Лусия сама слышала, как по дому кто-то ходит ночами.

И от этого, от обилия рассказов о привидениях, о проклятии, становилось жутко.

Да, она спрашивала Роберта Льюиса о «ночном госте», на что тот, как обычно, отвечал, что все это выдумки суеверных, необразованных людей, то есть слуг, которым нечем заняться, и что никаких таких «шагов», «бряцанья шпор», «невидимого битья посуды», «полетов в пропасть» нет и быть не может. Человеческая фантазия, по его мнению, не знает границ, а уподобляться прислуге – недостойное занятие для леди.

В отличие от сына сэра Эдвард считал, что духи существуют и могут являться живым людям. И Лусия не знала, кому верить и как себя вести. Служанка Энн рассказывала, что видела как-то не то черта, не то еще кого-то, больно похожего на прадеда Роберта Льюиса – сэра Ричарда Льюиса, выпрыгивавшего из окна. Лусия не совсем доверяла горничным, однако Энн говорила так убедительно, что волей-неволей вами бы тоже овладел первобытный, «животный» страх.

Старые истории дополнялись новыми и значительно приукрашались. Слушая в очередной раз миссис Хатсон о «ночном происшествии», Лусия, наконец, убедилась в том, что это выдумки и что слуги сами себя пугают с той единственной целью, чтобы скрасить серые будни. И перестала обращать внимание на подобные разговоры. Но...

В ту ночь Лусии не спалось. За окном шел дождь, и в ее просторной спальне было довольно свежо. Девушка никак не могла согреться в постели. Уже все легли спать, и в доме наконец воцарилась тишина. Лишь слышно было, как огромные капли дождя барабанят по крыше да порывистый ветер бьет в окна, залетает в печную трубу.

Лусия встала с высокой дубовой кровати, подошла к двери и прислушалась. Большие, расписные часы стучали в гостиной; раздавался храп дворецкого на первом этаже да мерное похрапывание несравненной миссис Хатсон в смежной комнате.

Дом напоминал усыпальницу, надо добавить, роскошную усыпальницу с тяжелыми каменными сводами, изогнутыми линиями, выложенными мозаикой полами и гобеленовыми стенами. Догорала свеча, и вот последние капли воска были съедены темнотой.

Лусии стало зябко. Девушка собиралась принести дров и угля, чтобы разжечь огонь в камине. Она хотела попросить об этом кого-нибудь из слуг и надеялась, что в доме еще не все заснули. Она могла позвонить в колокольчик, который висел у изголовья ее кровати, но опасалась, что таким образом разбудит всех и потревожит сон несравненного сэра Роберта Льюиса и ставшего по-настоящему для нее близким – сэра Эдварда Готорна. Поэтому девушка тихо вышла из спальни и на цыпочках пробиралась на кухню, где хранились запасы дров и угля. Взяв последнюю свечу в коридоре, решительно направилась по винтовой лестнице вниз.

Внизу еще было прохладнее, чем на третьем этаже, где располагалась спальня Лусии. Издали она заметила свет, блуждавший по стенам коридора и замерший, наконец, перед дверью библиотеки. Значит, не одна она не спит, – подумала Лусия и отважно двинулась в полутьмноту...

Кто-то был рядом. Лусия вовремя спряталась за гобеленом, когда дух Ричарда Льюиса нырнул в библиотеку. «Господи, неужели это правда. Неужели призраки существуют?» – подобная мысль если не напугала ее, но все-таки заставила быть осмотрительнее. «Может быть, мне померещилось», – сказала она и медленно раскрыла дверь библиотеки.

Кто-то не закрыл окно, и свинцовые капли дождя тут же стали заполнять паркетный пол. Широкие тяжелые багрово-красные гардины чуть дрожали, а в камине догорали последние угольки.

Лусия поспешно закрыла окно и зажгла свечи. Но кто-то или что-то не собиралось уходить. Она услышала гулкий звук падающей статуэтки и посмотрела на дверь. Старинная дубовая дверь закрылась сама. Девушку начало трясти, то ли от холода, то ли от страха, внезапно овладевшего ею. О чем же вчера так живо говорила горничная?!

Подавив волнение, она покинула библиотеку и – застыла от неожиданности. Дух сэра Ричарда Льюиса, точнее, его тень уплыла в сторону кухни. На какое-то мгновение тень задержалась, остановилась, как бы призадумавшись над чем-то, затем, разрастаясь все больше и больше, исчезла за стеной.

Шепча слова молитвы «Авва Отче» и осеняя себя крестом, Лусия неслышно кралась за тенью. Сделав несколько шагов в сторону кухни, она застыла в недоумении: дух испарился. Наверное, молитва помогла.

Но – не успела Лусия даже перевести дыхание – как услышала грохот летящей на пол посуды. В кухне был кто-то, кто гремел кастрюлями и бил посуду, и отрицать очевидное стало невозможно. Похоже, прислуга говорила правду, и по дому бродит привидение. Кинуться бежать, звать на помощь? Ну уж нет. Лусия была не из робкого десятка, к тому же она полагалась на здравый смысл сэра Роберта, утверждавшего, что никаких привидений в природе не существует.

Лусия толкнула дверь и стала вглядываться в темноту. Было тихо, и лишь свеча потрескивала от огня, бросая тусклый свет на холодные, покрытые мхом стены.

Девушка соскребла догоравшие угольки, лежавшие в камине, и, обернувшись, встретила живой изучающий ее взгляд. От неожиданности Лусия вскрикнула и обронила уголь. «Сгинь, нечистая», – тихо сказала она и наложила крестное знамя. Но «нечистая сила» оставалась на месте, и Лусия тоже осталась на месте, внимательно разглядывая ее. Да, конечно, портретное сходство с Ричардом Льюисом имелось, и все же это был кто-то из плоти и крови.

Лусия поднесла свечу ближе и вгляделась в объект стольких сплетен и пересудов. Это был молодой человек, точнее, мальчик лет четырнадцати – пятнадцати, с таким же испуганным, даже еще больше, чем у Лусии, выражением лица. Дрожа всем телом, он произнес:

– Мисс, не кричите, умоляю вас!

Мальчик был одет в заштопанную рубаху, в которой он прятал несколько буханок хлеба и сыр.

Лусия выпрямилась. Теперь дух Ричарда не казался ей таким страшным. Милый, полудетский профиль, правильные, красивые черты лица, напоминавшие ей черты Роберта Льюиса.

– Кто ты? – спросила Лусия.

Свеча осветила лицо с большими бегающими глазами.

– Мисс, я не могу открыться вам. Я вынужден прятаться, чтобы не обличить того, кто мне дорог больше жизни.

– И воровать?! – строго заметила девушка, указывая на хлеб, который с поспешностью прятал мальчик.

– Я просто хочу есть.

– Где ты живешь?

– Здесь, недалеко, за деревней.

– В таком случае не лучше ли было воровать в деревне?

– Я – не вор! – мальчик посмотрел на дверь, и на его лице отразилась гримаса неподдельного страха.

Лусия криком успела разбудить прислугу. Первой прибежала экономка миссис Хатсон, потирая заспанные глаза; потом появился дворецкий; потом кухарка с детьми; потом, извергая проклятия, в халате и тапочках Роберт и, наконец, сэр Эдвард в пижаме.

– Что происходит? – спросил Роберт, и его голос сотряс стены дома. Сейчас, в столь неподобающей одежде, он до смешного напомнил Лусии языческого бога-громовержца. Его серые глаза метали молнии. Заметив вора, он грозно изрек:

– Я уже тысячу раз говорил, чтобы ты не появлялся здесь! Никогда! – Потом обратился к слугам:

– Расходитесь, живо!

Недовольные тем, что их разбудили напрасно, слуги стали перешептываться, но все же, опасаясь гнева молодого хозяина, поспешно удалились. Осталась только экономка.

– И вы, уважаемая миссис Хатсон, будьте добры, идите спать, – более мягким, вкрадчивым голосом произнес сэр Роберт.

Миссис Хатсон, качая головой, удалилась.

Лусия ничего не могла понять. Кто этот мальчик? Откуда он взялся? Почему она ничего не знает о нем? Почему Роберт так суров с ним? Почему сэр Эдвард грустно смотрит на сына и украдкой поглядывает на вора, который сейчас и в правду напоминал привидение?

– Убирайся, а то, что стащил, верни на место, – тише, но все также грозно сказал Роберт.

И потом обратился к Лусии:

– Дорогая, идите спать. Уже слишком поздно.

Однако девушке совершенно расхотелось спать. Она должна была знать, в чем дело, кто этот «ночной гость», о котором она ничего не знала и который вызвал у Роберта чувство негодования и океан раздражения... Мальчик хотел есть, так неужели они не в состоянии «пожертвовать» буханку хлеба и сыр несчастному сироте?

Она подошла к Роберту и попросила:

– Пусть мальчик возьмет всё, ведь мы не разоримся от этого, не правда ли?!

– Нельзя поощрять воровство, дорогая.

– Я – не вор! – снова воскликнул «ночной гость». – Это вы не хотите признавать меня! Вы выгнали меня из дома, чтобы не опорочить имя Готорнов. Разве сэр Роберт Льюис может быть в чем-то уличен?! Он же так дорожит своей репутацией!

Подобного развития событий не ожидал никто, особенно Лусия. Она переводила взгляд с сэра Эдварда на Роберта, и с Роберта на мальчика. И тут ее осенило: внешнее сходство между сэром Эдвардом, Робертом и «ночным гостем» было несомненным. И то, что слуги видели духа Ричарда Льюиса, было правдой в той степени, в какой этот мальчик был в принципе похож на Готорнов. «Святая Дева, неужели у Роберта есть сын?!».

Роберт Льюис словно прочел ее мысли.

– Не смотрите на меня так! – воскликнул он.

– А как, как мне смотреть на вас? Это ваш сын, а вы... вы не хотите признавать его?!

– Какие ужасные вещи вы говорите! Как вы вообще могли подумать такое?! Вы меня сильно разочаровали!

– А что я могу думать? Что я вообще должна думать после того, что я увидела и услышала?!

– Я никогда не спал с деревенскими девками! – произнес сквозь зубы Роберт Льюис и посмотрел на отца.

Сэр Эдвард опустил голову. Он стоял понурый, словно нашкодивший мальчишка.

– Я думаю, отец, пришло время Лусии сказать правду. Она – моя будущая невеста, жена, в конце концов, и я не хочу, чтобы она думала обо мне черт знает что!

– Это мой сын, девочка. Его мать умерла во время родов, – сказав это, сэр Эдвард тихо побрел к себе в комнату.

Виновник ночного происшествия хотел тоже незаметно скрыться, но Лусия ухватила его за рукав.

– Постой, как тебя зовут?

Мальчик молчал, опустив голову.

– Дорогая, это мой сводный брат – Альберт, – ответил Роберт и тяжело вздохнул. – Я не хотел, чтобы вы знали о бесчинствах моего отца. Я говорил уже тысячу раз отцу о том, что не потерплю дома ублюдков.

– Как вы можете такое говорить?! – Лусия отскочила от Роберта, как ужаленная. Ее совсем не интересовало, откуда и как у сэра Эдварда появлялись дети, но она ничем не могла оправдать то, что Роберт так неуважительно отзывается об отце и брате, пусть даже и сводном.

Да, разумеется, Роберт Льюис, являясь представителем Палаты лордов, заботился о своей репутации. Он был у всех на виду и любое его неверное действие, неверный поступок мог стать достоянием общественности. Но разве правильно он поступал, когда упрекал отца и готов был сжить со света собственного брата?! Возможно, сэр Роберт и ее, если она сделает что-то не так, уничтожит.

Лусия похолодела. У Роберта Льюиса был такой страшный вид! Он понял, о чем думает или о чем могла думать девушка. В ее больших черных глазах отражался хаос чувств. А сейчас, накануне выборов, ему совершенно не хотелось, чтобы все узнали о том, что в доме Готорнов происходит что-то не так. К тому же ему не хотелось, чтобы сорвалась помолвка. Последнее было бы для него страшнее, чем предыдущее. Над ним тогда все будут смеяться!

– Дорогая Лусия, мой отец никогда не беспокоился о благополучии нашего дома. А я считаю вполне разумным и обоснованным избегать того, что может принести нам неприятности. Альберт... Мало ли таких Альбертов было у моего отца?

– Возможно, и немало. Но вот он, живой, стоит перед нами, и он остался сиротой при живом отце и живом брате.

– Что вы хотите этим сказать?

– Признайте его.

– Это глупо.

– Нет, вовсе нет!

– Лусия, это невозможно, и вы сами знаете почему!

– Нет, это возможно, главное захотеть. Но вы не хотите. Разве может темное пятнышко пасть на безупречного во всем Роберта Льюиса?!

– Не говорите так, Лусия. Вы прекрасно знаете, какое положение я занимаю в обществе, что от меня требует общественное мнение и суд Англии.

– Вы забыли о Высшем суде!

– Лусия, прошу вас. Давайте не будем ссориться. Пусть он идет и забирает с собой все, что украл.

– Он не крал, а взял по праву!

Лусия не собиралась сдаваться. Роберт покачал головой и развернулся, чтобы уйти. Он понял, что спорить с девушкой и уподобляться ее глупостям, самому становиться глупцом. Но Лусия решительно преградила ему путь.

– Если в сейчас же не признаете его, я тут же соберу вещи, и больше вы меня никогда не увидите и не услышите. Вы этого хотите?!

Это был откровенный шантаж, и поддаться на него Роберт тоже не мог. Если бы эта, глупая девчонка, знала все... Сколько раз ему приходилось слышать угрозы в свой адрес, получать анонимные записки, письма с требованиями о чем-либо, сколько было намерений убить его! Если бы не хладнокровие, невероятная выдержка и разум, которые были дарованы Роберту самой природой, то он давно бы погиб, а его завистники, клеветники и политические оппозиционеры ликовали. И вот теперь какая-то девчонка пытается шантажом добиться от него то, что не удавалось никому – поступиться принципами и отказаться от убеждений! Лусия не знала, что говорила.

– Вы непомерно глупы! – изрек Роберт.

– Пусть так. Тем более вы это мне говорите постоянно. Но если вы хоть немножко любите меня, если хотя бы немножко, совсем чуть-чуть я вам дорога, в чем вы меня пытаетесь уверить, то прошу вас... Подумайте, Альберт ни в чем не виноват, так почему он должен страдать?!

– Хорошо, я что-нибудь придумаю, – с тяжелым вздохом сказал Роберт и удалился...

Это был первый случай, который стал поводом для размолвки. Роберт Льюис, поддавшись на уговоры Лусии, решил на какое-то время уехать в Лондон, якобы по делам. Ему нужно было прийти в себя, чтобы не сделать еще каких опрометчивых поступков.

Глава 8

Лусия улыбалась, наблюдая, как Альберт пытается оседлать лошадь. Афродита, ее любимая чистокровная лошадка, которую подарил Роберт Льюис, оправдывала прозвище.

Лошадь – полудикое существо с живыми умными глазами, вся белая, в масть, – никого не хотела знать, кроме Лусии. Она и конюха не особенно жаловала. Гордо вскинув морду и наострив уши, Афродита следила за приближением мальчика и, как только Альберт пытался накинуть ей на спину попону, тут же отскакивала в сторону.

Когда в очередной раз мальчику не удалось это сделать, он плюхнулся на землю и опустил голову. Афродита тут же подошла к нему и стала обнюхивать его, выставляя толстые бархатные губы будто для поцелуя. «Уйди», – попытался отмахнуться от нее Альберт, но та настойчиво стала толкать его в спину.

Лусия, наблюдая за ними, была очень довольна. Роберт Льюис уступил, и теперь в доме появился еще один член семьи – Альберт Льюис Готорн. Как ей удалось убедить Роберта, она до сих пор точно не знала.

После той ночи, когда открылась семейная тайна, сэр Эдвард перенес страшный удар. Сказывалась сердечная недостаточность. Врачи были обеспокоены его состоянием здоровья и рекомендовали полный покой. Они требовали соблюдения всех врачебных предписаний, постельного режима и подчеркивали, что другого подобного удара он уже не перенесет.

Естественно, как любящий сын, Роберт Льюис окружил заботой отца и даже, как это не удивительно, оставил на какое-то время бесконечные поездки в Лондон. По распоряжению Роберта, Альберт поселился в их доме, хотя он пытался убедить всех в том, что это временно, пока не поправится отец.

В знак примирения с Лусией Роберт подарил девушке лошадь. Это был очень щедрый подарок, учитывая, что Роберт знал цену деньгам. И Лусии стало казаться, что Роберт по-настоящему любит ее.

Он заказал из столицы швей, чтобы сшить его «дорогой, несравненной невесте» платье; не скупился на подарки и каждый день дарил что-нибудь: серьги, броши, браслеты и иные драгоценности.

Лусия могла бы сказать, что она счастлива, если бы не Роберт. Он по-прежнему избегал с ней встреч.

Что чувствовала она к нему? Ей сложно было это понять, ведь Роберт не мог не нравиться. Высокий, стройный, он напоминал античного бога. В Палате лордов, когда он выступал, он был подобен Марсу. Дома – Зевсу. Хотя, конечно же, подобные сравнения его бы убили. Он не переносил никаких сравнений в свой адрес и уж тем более терпеть не мог, когда речь заходила об античности. «Дикие времена, дикие нравы, люди – животные», – говорил он.

Хотя Роберт и не был циником, но живые человеческие чувства слабо проявлялись в нем. Он был очень замкнутым, и чтобы вывести его из равновесия, нужно было сильно постараться. Экономка миссис Хатсон подчеркивала, что в этом виновата мать Роберта, которая не сумела окружить мальчика заботой и нежностью. Элизабет Готорн была сосредоточена исключительно на своей персоне, и Роберт стал ее точной копией. При этом миссис Хатсон добавляла, что если Лусия хочет стать счастливой, то должна сама сделать первый шаг. Но как разбудить в Роберте чувства и эмоции, миссис Хатсон не говорила...

Лусия вновь посмотрела на Альберта. Все-таки удивительно, как он внешне похож на Роберта! Лусия теперь знала, как выглядел Роберт в четырнадцать лет. И все же Альберт был другим: живой, добродушный, открытый, глаза его излучали свет и тепло.

Альберт так и не сумел оседлать лошадь.

Когда Лусия вышла из дома, Афродита весело заржала и галопом понеслась навстречу. «Господи, как же устроен мир, что даже этому существу нужна ласка и забота!» – думала Лусия, глядя животное. Афродита смотрела на нее большим черным глазом, хрумкала принесенные Лусией сухари и будто бы говорила: «Ничего, всё пройдет. Жизнь прекрасна» ...

Вскочив на лошадь, Лусия пустила ее в галоп. Афродита стрелой помчалась по дороге, ведущей в лес. Распугав птиц, перепрыгнула через изгородь и понеслась, подобно ветру. Лусия не сдерживала лошадь: она знала, что Афродита не сбросит ее. Они чувствовали друг друга так, как бывает не чувствуют друг друга близкие люди.

Когда Лусия так неслась на лошади, миссис Хатсон приходила в ужас и отчаянно причитала, что так и шею свернуть немудрено...

На лесной опушке, озаренной солнечным светом, было очень тихо. Лусия спрыгнула с лошади и опустилась на траву. Осенние солнечные лучи не обжигали, а ласково блуждали по лицу девушки.

Лусия на какое-то мгновение закрыла глаза. «Господи, как же все-таки хорошо жить!» – подумала она. И мысленно унеслась в детство, когда она также убегала в лес, и кормилица Каталина плакала и причитала, и жаловалась ее отцу. Теперь Лусия выросла и скоро станет женой английского лорда, как и предсказывала Франческа.

Любит ли ее Роберт Льюис? Она не знала, и как-то спросила об этом Эдварда Готорна. «Роберт любит вас, но не умеет ярко выражать чувства... Мальчик еще», – сказал ей сэр Эдвард. Ну да, сложно было не согласиться с тем, что Роберт Льюис фантастически выдержанный человек, но Лусии также с трудом представлялось, что можно назвать мальчиком сорокалетнего мужчину.

От подобных мыслей Лусию разбудило ржание лошади. Лошадь была чем-то взволнована. Лусия прислушалась и услышала выстрелы. Где-то стреляли, близко стреляли. Снова раздался выстрел, и шальная пуля пролетела совсем близко от Лусии, оказавшись в стволе дерева, под которым сидела девушка. Что это? Кто-то охотится в лесу, не спросив разрешения Готорнов?

Снова засвистел кусок свинца, зарывшись в землю почти под копытами лошади. Афродита с бешеным ржанием встала на дыбы и умчалась в только ей известном направлении.

Лусии ничего другого не оставалось, как пешей возвращаться домой...

«Неужели меня хотел кто-то убить?» – думала между тем девушка. – «Хотя вряд ли... Целились в лошадь».

Лусия поздно вернулась в замок. Миссис Хатсон переполошила весь дом, когда лошадь прискакала без седока. «Я же говорила, говорила...», – причитала экономка и не смела поверить глазам, когда увидела живую Лусию. Но девушка, вместо того, чтобы рассказать, что же все-таки произошло, молча прошла в столовую...

* * *

Лусия решила дожидаться Роберта, чтобы рассказать ему о случившемся. А пока... пока она погладила Феликса, к которому успела привязаться. Роберт Льюис хотел выгнать его из дома, поскольку терпеть не мог ни кошек, ни собак. «Скотине не место в доме», – говорил он. Но рыжий кот был такой милый, пушистый, ласковый, что Лусия тайком держала его в спальне и кормила тем, что ела сама.

Экономка миссис Хатсон, конечно же, знала о присутствии в доме «скотины», но молчала, потому как сама любила кошек и часто приносила ему что-нибудь вкусненькое.

Феликс расположился на коленях Лусии и мурлыкал, успокаивая девушку. У него были грязные лапы и взъерошенная шерсть. Мокрый хвост казался облезлым, и брюшко – брюшко,

как и подобает «скотине», было не рыжего, а грязно-серого цвета. Феликс гулял по мокрой от дождя черепичной крыше, теперь же, когда Лусия вернулась, оказался у нее в кресле.

«Ах ты, проказник!» – беззлобно побранила его девушка, и еще крепче прижала к себе. Феликс по-кошачьи выражал счастье громким мурлыканьем.

В дверь постучали.

– Я принесла вам обед, – сказала экономка, обращаясь то ли к Лусии, то ли к коту.

Миссис Хатсон неодобрительно покачала головой. Роберт Льюис будет недоволен, ведь роскошная обивка нового кресла изодрана и перепачкана грязью.

Экономка поставила поднос на стол, а налила немного молока в миску коту. Феликс тут же соскочил с колен и принялся лакать молоко.

– Мисс, вы не забыли, что скоро приедет модистка?

Да, Лусия совсем забыла об этом.

Столичная модистка – мисс Иоанна Сноурсон – была очаровательной незамужней женщиной лет сорока. Ее роскошные рыжие волосы были собраны всегда в пучок, зеленые глаза скрывались за пенсне, но в ней было что-то, что делало ее «чаровницей», как бы сказала кормилица Каталина. Одевалась Иоанна всегда очень элегантно; в то, что отвечало самым модным пристрастиям того времени. Выбранные ею модели как нельзя лучше соответствовали формам и типу лица, а изысканный парфюм завершал образ.

Платье, которое сперва выбрала Лусия, было сразу же забраковано Иоанной, ведь то, что она предложила взамен, вполне соответствовало вкусам Роберта Льюиса и требованиям моды. Платье было нежно-абрикосового цвета с множеством кружев, оборок, складок, с глубоким декольте. Единственное, что оставила за собой Лусия, – это право не вшивать корсет с китовым усом. Она терпеть не могла корсеты, и Иоанна согласилась, что можно сделать платье без корсета с китовым усом. К тому же, как заметила модистка, разглядывая Лусию в пенсне, у девушки идеальные формы. Тонкая талия и упругая девичья грудь не требовали жесткого корсета.

Теперь же Иоанна приехала, чтобы полюбоваться своим шедевром. Остались небольшие нюансы: подправить рукава, воротник, вымерить окончательно длину...

Роберт приехал как никогда рано и застал Лусию в новом платье, разглядывавшую себя в огромном зеркале.

– Нет, нет и нет! – воскликнула Иоанна, пытаясь выпроводить Роберта. – Еще не окончено. Вы не должны видеть.

– Оставьте, всё это глупости, – сказал он и уставился на Лусию.

Девушка смотрела на его отражение в зеркале, и вдруг ей показалось, что взгляд Роберта заметно потеплел.

– Я должна с вами поговорить, – тихо сказала Лусия, не смея повернуться. Иоанна обложила ее булавками и иголками.

– Завтра, я сегодня очень устал.

– Разумеется, завтра. Завтра вы опять уедете, а когда вернетесь, неизвестно.

– Я сказал завтра.

– Меня хотели убить!

Роберта Льюиса передернуло от подобных заявлений. Это Лусия увидела в зеркале. Он резко выпрямился, поправляя воротник рубахи, словно он жал ему шею, глаза его полезли на лоб, а на губах застыла кислая улыбка, словно он съел лимон.

– Мисс Сноурсон, оставьте нас ненадолго, – сказал Роберт, обращаясь к модистке.

Иоанна, собрав нитки, иголки, булавки, послушно удалилась.

– Почему вы так думаете? – спросил он. На его губах по-прежнему играла кислая улыбка.

– Я была в лесу... Там стреляли.

– Возможно, кто-то охотится без нашего разрешения. Придется проследить за этим.

– Нет, меня хотели убить! Стреляли в меня!

– Боже мой, вы опять говорите глупости! Ну, кто, кто в вас мог стрелять? Кому вы нужны?! И кто это вообще без нашего разрешения позволяет охотиться?!

Роберт Льюис обнял ее за плечи, пытаясь то ли успокоить, то ли встряхнуть.

– Ну хорошо, дорогая... Чтобы вас успокоить, мы завтра же поедem вместе в лес. Договорились?

Лусия кивнула и уткнулась носом в широкую грудь Роберта.

– Я надеюсь, вы никому больше не рассказывали о покушении?

Вытирая слезы, девушка покачала головой.

– Вот и умница. Завтра все выясним.

* * *

Рано утром Роберт постучался в дверь. Лусия только проснулась. Девушка открыла дверь, полагая, что на пороге миссис Хатсон. Лусия случайно вчера закрыла дверь на замок.

– Вы, – начал Роберт, но закашлялся. Глаза его округлились, когда он увидел Лусию в ночной сорочке.

– Я найду позже. Постарайтесь собраться, как можно быстрее, – сказал он и поспешно удалился...

Роберт внимательно исследовал место вчерашних событий. Он напоминал сыщика, точнее, собаку сыщика, с такой тщательностью исследуя каждый дюйм лесной поляны. Он изучал стволы деревьев, кустарники, изучал землю...

– Дорогая, вы могли бы точно сказать, где вы были?

– Да, конечно. Афродита была вон там, а я сидела, кажется, под этим деревом.

Лусия озиралась по сторонам, ища дерево...

– Наверное, это или это...

– Дорогая, здесь нет ничего, что напоминало бы описанные вами события, – заключил Роберт Льюис.

– Я не знаю... Мне кажется, что это та поляна... Но здесь столько пней! Их не было вчера.

– Вот, и я о том же... В лесу кто-то охотится, а крестьяне тайком вырубают лес... Придется поехать в деревню и ужесточить дисциплину...

Потом Роберт приобнял Лусию и с улыбкой спросил:

– Дорогая, вы еще будете доказывать мне, что в вас кто-то стрелял?

– Нет, я точно помню, что была здесь! Я каждое утро бываю здесь. И здесь не было вчера этих пней!

– Ерунда. Дровосеки могли срубить деревья, крестьяне могли рубить без нашего ведома, да кто угодно... И потом... Дрова нам все-таки нужны, не так ли?!

– Да, но...

– Дорогая, я не нахожу ничего, что могло бы подтвердить ваши опасения.

– Вы думаете, я всё это придумала?!

– Я этого не говорил. Возможно, вы, действительно, слышали выстрелы где-то в лесу, и вам могло показаться, что стреляли в вас. А, может быть, дровосеки рубили деревья, и вам показалось что-то такое... Вы ведь такая мнительная!

– Нет, я точно помню! Афродита испугалась и...

– Лошади боятся каждого шороха. У них отличный слух и обоняние.

– Нет. Я точно помню и это дерево, и то, где я сидела, и то, откуда раздавались выстрелы. Я сама видела, как пуля пролетела надо мной!

– Милая, несравненная, дорогая Лусия, вы заблуждаетесь! Никто не хотел вас убить. Разве можно думать о плохом, когда такое великолепное утро, такая отличная погода и через день наша помолвка?! – Роберт Льюис взял Лусию за руку и повел к лошади. – Думаю, нам здесь нечего больше делать.

Лусия в последний раз обвела взглядом лесную поляну. Кто-то намеренно затер следы, ведь даже копыт лошади не было! Но разве докажешь это Роберту? Теперь ей ничего другого не оставалось, как послушно взобраться на лошадь и последовать за Робертом.

И всё же Лусию не покидала мысль, что кто-то хотел ее убить, тем более, что следов на месте происшествия не оказалось. Она так сильно переживала, так волновалась за последние дни, что слегла в горячке. Сказалось нервное напряжение, в котором она пребывала в последние месяцы.

Врачи подозревали у девушки воспаление.

Так помолвку пришлось перенести, из-за чего был ужасно расстроен Роберт. Мало того, он был почти взбешен! Столько денег было выброшено на ветер! Роберт ходил недовольный из комнаты в комнату и не мог спокойно работать.

В Лондоне его уже разыскивали, и ему пришлось отписаться, что у него семейные проблемы и вернется он не ранее середины октября. Застой в работе он компенсировал тем, что читал газеты, которые присылали каждую неделю. Из газет он узнавал все столичные и мировые новости. На первых страницах газет помещали статьи о политических дебатах в Парламенте, что ему было так важно.

К Лусии Роберт боялся заходить, поскольку ужасно боялся всяких болезней, особенно простуды. Когда ещё мальчиком он подхватывал насморк, он тут же ложился в постель и стонал, требуя срочной врачебной помощи. И вот сейчас, уже целых две недели он не подходил к девушке, а новости о ее самочувствии узнавал или от миссис Хатсон, или от Альберта, или от отца. Каждый час он посылал слуг выяснить, всё ли нормально, есть ли улучшения самочувствия и не надо ли чего еще...

Между тем во время болезни Лусия видела одни и те же сны. Ей снова снилось, что она с отцом плывет в какую-то чудесную страну, где всегда лето, всегда тепло. Она видела пустыни, странных животных, перед ней выросли огромные гробницы, но их корабль шел дальше и дальше, устремляясь к солнцу. Она смотрела на небо; солнце же светило так, что нестерпимо больно становилось глазам. По небу плыли облака, как какие-то замки, и где-то далеко-далеко раздавался крик хищной птицы, то ли коршуна, то ли ястреба...

Лусия медленно приходила в сознание.

В кресле спала миссис Хатсон. Пожилая женщина была так добра к ней, так внимательна, заботлива, и тем напоминала Лусии кормилицу Каталину. Уж та за ней носилась, как курица за цыпленком! И теперь миссис Хатсон взяла на себя обязанность опекать Лусию.

Девушка приподнялась на кровати, и экономка, потирая заспанные глаза, пробормотала:

– Наконец-то вы очнулись, мисс. Мы все так переживали за вас, так переживали! Что же вы, голубушка, заболели? Ведь и помолвка не состоялась. Бедный сэр Роберт весь истомился, на нем лица даже нет!

Лусия в ответ закашлялась. Она очень похудела за время болезни, лицо осунулось и напоминало белую погребальную маску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.